

Писатель и время

Дмитрий Лихачев
Николай Самвелян

ДИАЛОГИ

«Советская Россия»

Писатель и время

Дмитрий Лихачев
Николай Самвелян

ДИАЛОГИ
О ДНЕ ВЧЕРАШНЕМ,
СЕГОДНЯШНЕМ
И ЗАВТРАШНЕМ

МОСКВА
«Советская Россия»
1988

В «Диалогах» председателя Советского Фонда культуры академика Дмитрия Лихачева и писателя Николая Самвеляна речь идет о новом философском, политическом и нравственном кодексе эпохи, о совершающемся сейчас процессе изменения общественного сознания, о новых взаимоотношениях человека с окружающей средой. Наконец, о том, что, по мнению авторов «Диалогов», может ждать человечество в третьем тысячелетии.

Публиковавшиеся в «Литературной России» фрагменты «Диалогов» переведены на английский, немецкий, финский, венгерский, болгарский, румынский, чешский и другие языки.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ
РЕДАКЦИЯ:**

БОНДАРЕВ Ю. В.

БЕНЕНСОН А. Н.

БЛИНОВ А. Д.

ВИКУЛОВ С. В.

ИВАНОВ А. С.

КРАМИНОВ Д. Ф.

ЛОПАТИНА Е. К.

МЕДНИКОВ А. М.

ПОВОЛЯЕВ В. Д.

РОСЛЯКОВ В. П.

СЕРГОВАНЦЕВ Н. М.

ШАПОШНИКОВА В. Д.

ШУРТАКОВ С. И.

Л 4702010200—124 КБ—45—46—87
М-105(03)88
ISBN5—268—00311—9

Вечер первый

Самвелян Н. Г.— Вот о чем, Дмитрий Сергеевич, подумалось сейчас с легким оттенком грусти: времена, когда процветал эпистолярный жанр, имели преимущества. Ведь письма далеко не всегда сгорали в огне каминов или, что неприятнее, случайных или далеко не случайных пожаров. Их не так часто рвали и выбрасывали. Напротив, берегли и передавали из поколения в поколение как ценность особого рода — духовную. Теперь, когда письма практически вытеснены телефонными звонками, как правило, спешными и сиюминутными, возник своеобразный голод общения при внешней какой-то даже лихорадочной общительности.

К тому же одним из симптомов сегодняшнего дня стал «хронологический провинциализм» — явление сложное, требующее особого анализа. Сейчас делаются попытки его понять. Хронологический провинциал это вовсе не провинциал в прежнем понимании слова. Он может жить и в столице. Но стиль его мышления характеризуется не стремлением что-либо самостоятельно осмыслить, постичь, изучить, а лишь желанием «быть в курсе». Есть такое выражение. В курсе чего? Да всего, о чем в настоящий момент пишут, говорят, что на слуху у всех. Так возникает погоня за модной культурной информацией, что не имеет ничего общего с подлинной образованностью. О хронологическом провинциализме есть смысл поговорить подробнее. Хронологические провинциалы существовали всегда. В Древней Греции

и античном Риме их тоже было немало. Но в наши дни, в связи с ростом средств массовой информации, их, так сказать, в процентном отношении стало много больше. Теперь очень легко, сидя у экрана телевизора, слушая радио, листая популярные журналы, внешне казаться образованным человеком. Но лишь казаться, не более того. Ведь подлинно образованного человека отличают самостоятельность мышления, умение наполнить, рискну даже сказать,— озарить беседу своеобразием личного подхода к любой теме, уникальностью и неповторимостью знаний. И пусть слово «уникальность» не кажется чрезмерным и пугающим. Ведь каждый серьезно думающий, непредвзято вглядывающийся в окружающий мир человек должен делать свои собственные выводы. И каждая личность уникальна. А хронологический провинциал похож на стертую монету. Он повторяет то, что уже было сказано другими, что сейчас, сегодня прозвучало по радио, телевидению, многократно повторялось в популярных газетах. Изучать самостоятельно жизнь, литературу, культуру такой человек не способен. Следовательно, и собеседник из него никакой. Хронологических провинциалов сейчас много во всех странах и на всех континентах. А результат налицо — люди отвыкают беседовать, выслушивать друг друга, думать вслух, пытаться совместно дойти «до основанья, до корней, до сердцевины». Глубокая по сути, яркая по форме дружеская беседа исчезает как жанр общения. И в наши времена обмен словами зачастую бывает суетлив, малозначителен, комплиментарен. А мысль — она уже ценность сама по себе.

Лихачев Д. С.— И несомненная. Виктор Гюго

однажды сказал: «Где есть мысль, там есть сила».

С.— Ну, а еще ранее Сенека Младший настаивал на том, что мысли всегда были и будут общим достоянием. На них не распространяется право собственности. Единожды рожденная мысль, написанная или произнесенная вслух, от этого момента принадлежит всем.

Л.— Именно в этом прелесть искренних бесед. В них зачастую рождалось то, что позднее становилось достоянием многих.

С.— Любопытнейшие замыслы...

Л.— И даже открытия...

С.— Новые концепции...

Л.— Духовное единство, братство.

С.— Они рождали отвагу души, звали к действию.

Л.— Воспитывали и обогащали. Да мало ли доброго можно сказать о беседах, если они были искренними, дружескими, доброжелательными, если велись с желанием выслушать собеседника и понять... Не обязательно принять его точку зрения... Важно иное — понять.

С.— И очень жаль, Дмитрий Сергеевич, что нам не ассистировал при прежних беседах магнитофон. Главное помнится, но многие детали, оттенки этих бесед ушли.

Л.— Так за чем же дело стало? Магнитофон перед вами. Включайте его, Николай Григорьевич. Итак, на чем мы остановились?

С.— Попытались представить, что век грядущий, век XXI готовит человечеству. Что можно предусмотреть и предугадать уже сейчас? Должны ли люди сознательно делать поправки и своего способа, и своей манеры мышления, чтобы не оказаться неподготовленными к новым временам?

Л.— Должны. И прежде всего хочу сказать вот о чем. По моему глубочайшему убеждению, XXI век должен быть веком гуманитарной культуры. Ее доминанта обязательна. Технике должна быть определена четко служебная роль. Не иначе. Если этого не произойдет, если техника не займет только «помогающее» человеку место, но не более того, она начнет работать не на человека, а на самое себя.

Ведь природа миллионы лет сама управлялась со своими трудностями, рождала жизнь в любых условиях. Природа — чудо из чудес. А техника, по сути, — паразитирующее на природе явление.

И человек — высшая точка в развитии природы. Он не должен бесконечно испытывать терпение своей матери, требовать у природы всего и немедленно. Наконец, есть долг человека перед природой. Человек, как наиболее сознательное явление мироздания, обязан помогать животным, птицам, растениям, даже «неживой природе». Помогать, не ожидая немедленной награды.

«Человек — это звучит гордо», но только тогда, когда человек действительно Человек, а не потребляющее и истребляющее существо.

С.— Тем более, если вспомнить, что произнес эту фразу Сатин в пьесе Горького «На дне», — импозантный, в каких-то эпизодах чуть ли не благородный. Но тот же Сатин, узнав, что повесился человек, произнес: «Испортил песню, дурак!» Непростым и неоднозначным был сам Сатин. Умелый демагог и циник, способный завораживать красивым словом не только других, но чуть ли и не себя самого. Люди жили, живут и будут жить на Земле разные... Если ты человек, означает ли это, что твое имя автоматически должно зву-

чать гордо? А вдруг речь идет о таком человеке, чье имя может быть окружено лишь презрением и предано проклятию?

Л.— Допустим. Но ведь я сказал четко и готов повторить: «Человек — это звучит гордо», но только тогда, когда человек действительно Человек, а не истребляющее и потребляющее существо. Не иначе.

С.— Сегодня это, видимо, вопрос вопросов: осознает ли человек во всей глубине и в полном объеме, казалось бы, простую истину, что он — часть природы? Уничтожая природу, он уничтожает и среду собственного обитания, и в конечном итоге уничтожает себя самого. Это становится все более очевидным. Да, у природы нельзя требовать всего, к тому же — немедленно, сейчас же. Это вопрос философский и нравственный одновременно. Над ним задумываются лучшие умы. Если технический прогресс выйдет из-под контроля, это страшно, это означало бы конец цивилизации в целом. Но нельзя же согласиться с мрачным призывом одного юмориста: «Назад, к динозаврам!» У человечества нет пути назад: только поступательное движение, только шаги вперед — к новым знаниям и новым возможностям.

Так как же тогда быть с техникой и ее прогрессом? Остановить их развитие невозможно.

Л.— Конечно, нет. Невозможно и не нужно. Но техника должна быть переориентирована. Вместо того чтобы служить часто авантюристическим, непроверенным целям, так называемым «стройкам века», погоне за немедленным и грандиозным успехом, гигантомании, безудержной «эксплуатации будущего», отбиранию природных богатств у наших потомков, техника должна быть

направлена на создание творческой гомосферы. Есть биосфера, это понятие известно всем. А есть и гомосфера — сфера созданной человеком культуры, нравственной среды, без которой он перестает быть человеком.

С.— На вопросе о гомосфере, Дмитрий Сергеевич, я хотел бы сделать акцент. Когда несколько лет назад вы ввели это понятие в контекст сегодняшнего мышления, было немало вопросов о том, что же такое гомосфера? Постоянное ли это понятие или же меняющееся? Так ли выглядела гомосфера три, пять тысяч лет назад? В конце концов и споров-то не было. Согласились на том, что гомосфера — это сфера жизни человека, сфера созданной им культуры, цивилизации, нравственных понятий.

Л.— Да, человек живет не только в определенной биосфере (термин академика Вернадского), но и в некоей сфере, созданной в результате культурной деятельности его предков. Человек хозяйственно осваивает природу, изменяет почвы, растительность, строит... Поколения людей создают язык, письменность, литературу, все виды искусств, науку, обычаи, формируют свое поведение. С первых же своих шагов человек попадает в некую гомосферу (этот термин действительно предложен мною). В гомосфере огромную роль играет литература, через которую человеку передаются нравственные и эстетические представления. Эта передача культурных ценностей совершается непосредственно, когда человек читает, слушает, воспроизводит стихи — вслух или про себя. Но также и опосредствованно, — когда человек воспринимает культурные ценности, ценности литературы через других, через общество, в котором он живет,

литературу, нравственные понятия, нормы поведения, эстетические представления.

С.— Все это необычайно связано между собой: эстетические понятия и нормы поведения... Ведь литература, искусство — великие педагоги. Требовательные, но и необычайно терпеливые одновременно, готовые дожидаться читателя, зрителя, слушателя иной раз даже не десятилетия, а столетия.

Л.— Роль литературы огромна. И счастлив тот народ, который имеет великую литературу на своем родном языке. Литература обогащает гомосферу в высокой степени. Но у каждого народа, помимо общей гомосферы, существует еще и своя, присущая ему гомосфера, своеобразные национальные отклонения, источники обогащения: национальная специфика. Поэтому можно говорить не только о гомосфере, но и об этногосфере.

С.— Из множества этногосфер складывается одна общая для всех гомосфера. Но эти понятия новы. К ним еще предстоит привыкать. Пройдет немало времени, Дмитрий Сергеевич, пока они станут обиходными, так сказать, рабочими и понятными всем.

Л.— Ну что же, наберемся терпения и подождем... Чтобы воспринимать культурные ценности во всей их полноте, надо знать их происхождение, процесс их создания, заложенную в них память. Чтобы воспринять художественное произведение точно и безошибочно, глубоко и содержательно, — надо знать, кем, когда и при каких обстоятельствах оно создано. Чувствую, вы хотите возразить, Николай Григорьевич?

С.— Нет, не возразить... Иное: можно ли оценить какое-либо произведение точно и безо-

шибочно? Как правило, это процесс очень сложный. Сегодня большинству нравится одно, завтра — другое. Когда-то бытовало выражение: вкусы эпохи. Есть как бы вечные ценности, а есть и преходящие. Ведь на протяжении веков многое в облике гомосферы менялось. Что-то становилось ненужным, отмирало. Возникало новое, которое зачастую занимало свое место не без борьбы с отжившим. Причем, постоянно творя и совершенствуя гомосферу, человек в значительной, если не в решающей степени сам формируется ею. Взаимосвязь очевидна. И это еще одно подтверждение того, как трудно отделить позавчерашний день от вчерашнего, а вчерашний от сегодняшнего. Наконец, сегодняшний от завтрашнего. Это еще одно доказательство аксиомы, постулата, истины — назовите, как хотите, — что ничто не возникает из ничего, что наивно полагать, будто новаторство обозначает разрыв с любыми старыми традициями, недоучет опыта веков. В мире все взаимосвязано. С этим никто не спорит, но иногда об этом забывают.

Л.— Согласен. И продолжу мысль: самый крупный экономический успех будет идти от успехов нравственных, от развития культуры памяти, от общественной помощи старикам и больным, от восстановления в обществе такой нравственной категории, как честь. От того, какие нравственные законы будут царить в гомосфере, будет зависеть воспитание грядущих поколений, вся наша жизнь.

С.— Удивительная пушкинская строка — «пока сердца для чести живы». Значит, поэт предвидел, что может наступить момент, когда чьи-то сердца перестанут быть живы для чести, станут холодными и пустыми... Только холодные и пустые

люди способны вообще не думать о том, что они завещают потомкам — разоренную или цветущую землю? Наконец, если речь идет о чести, то это понятие широкое. Бесчестен вандал, не понимающий, что он рушит культуру, ту самую «гомосферу», без которой невозможно поступательное развитие цивилизации. Бесчестен злобный индивидуалист, ставящий свое «я» над общим делом. Однако есть одна опасность — понятие чести каждый может трактовать по-своему, а тут необходимы, видимо, какие-то определенные нормы, принципы жизни и поведения. И эти нормы должны быть четко декларированы. Им должны учить с детства, со школьной скамьи.

Л.— Да, это нужно делать. Понятие чести совершенно неоправданно исчезло из нашей жизни. Скажем так: почти исчезло. Возможно, это частично связано вот с каким явлением. Перед революцией о чести много говорили офицерство, дворянство, отживающие классы и прослойки. Они замарали это крайне важное для государственной и общественной жизни понятие.

С.— Но среди офицеров и дворян были люди огромной честности, редкой красоты мышления, способные на жертвы и подвиги во имя высоких целей.

Л.— Разумеется. Кто же ставит это под сомнение? Такие были. Их немало. Мы их помним. Пишем о них книги. Ставим им памятники. Если вы пытаетесь меня поправить, то делаете это совершенно напрасно. Конечно, и среди дворян, и среди офицеров были честнейшие люди. С этим никто не спорит. Я говорю о том, что офицерством и дворянством понятие чести перед революцией было как бы растрчено. О чести слишком много

говорили, ею клялись, а поступали зачастую бесчестно. Потому — повторяю — и было замарано крайне важное и нужное для государственной и общественной жизни понятие. Вот в чем беда. И сейчас мы должны заново вернуться к разговору о чести в условиях нашего общества.

Честь. В сфере морали это понятие чрезвычайно важно, но честь — это двуликий Янус. С одной стороны, есть честь внешняя. Человек защищает свою честь. Он не терпит оскорблений или того, что ему представляется оскорблением. Он это делает главным образом для окружающих. Такова в значительной своей доле была честь дворянина, честь офицера. И именно эта честь пошла ко дну с революцией и потянула за собой другую честь — честь первостепенной важности — внутреннюю, честь перед самим собой, независимую от внешней ее оценки, но все же имеющую громадное значение для общества, для его моральной атмосферы, для моральных взаимоотношений между людьми и общественными организациями (государственными учреждениями, торговыми предприятиями, фабриками и заводами, военными, учебными сообществами и т. д.).

В чем внешне выражается эта «внутренняя» честь, человек держит слово: и как официальное лицо (служащий, государственный деятель, представитель учреждения), и как просто человек; человек ведет себя порядочно, не нарушает этических норм, соблюдает достоинство — не пресмыкается перед начальством, перед любым «благодающим», не подлаживается к чужому мнению из выгоды, не упрямится, чтобы доказать свою правоту, не сводит личные счеты, не «расплачивается» с «нужными людьми» за счет государства

(различными поблажками, «устройствами» и т. д.), вообще умеет отличать личное от государственного, субъективное от объективного в оценке окружающих.

Честь — это достоинство прежде всего, достоинство положительно живущего человека. Это достоинство, в свою очередь, бывает внешнее и внутреннее. Внешнее достоинство — это важность, напыщенность, солидность. Внутреннее — это достоинство по существу, когда человек не опускается до мелочности в поведении, в разговорах и даже в мыслях. При развитом чувстве чести и достоинстве в обществе не может быть протекционизма, семейственности, обманов людей и учреждений, того, что называется «приписками» и искусственными занижениями планов или погоней во что бы то ни стало за премиями, благодарностями, повышениями по службе.

Честь обязывает человека думать о чести того общественного института, который он представляет. Есть честь рабочего, честь инженера, честь врача, но есть и честь учащегося школы, честь полка, честь завода, честь учреждения.

Честь рабочего: работать без брака, стремиться создавать хорошие вещи. Как в старое время: честь наборщика, честь литейщика (не останавливать мартеновскую печь даже при забастовках).

Честь администратора: держать слово, выполнять обещанное, прислушиваться к мнению людей, не бояться изменить свое мнение, если факты этого требуют, не придерживаться «лобовой психики» и не гордиться тем, что «мнения своего никогда не меняю». Уметь вовремя признавать свою ошибку и исправлять допущенную оплошность.

Честь гражданина: не мстить из личных побуж-

дений, не оказывать услуг за счет государства, избегать протекционизма, если он не «деловой», а личный, поддерживать способных людей только по деловым соображениям, не писать и не читать анонимок.

Честь ученого: не создавать не подтвержденных полностью фактами теорий, не занимать должности, для которых недостает компетентности, не быть «личным» в своих отношениях к научным выводам и работам, не присваивать себе чужих идей, всегда точно и полно ссылаться на предшественников, не подписывать не принадлежащих тебе работ, не присоединяться к группам и группкам, не интриговать, уметь и желать различать стоящее в научном отношении от наукообразного и т. д.

Необходимо создать полный кодекс научной морали. Опубликовать его. Найти способы выявления его нарушений.

В старое время существовали «купеческое слово» и купеческая честь. Самые крупные сделки между купцами старинного склада совершались и так: шли в церковь и скрепляли сделку молебном. В Петербурге между Думой и Гостиным против портика Руски существовала полуподземная часовня, где купцы служили молебны.

Честь купца!

А в лондонском Сити крупные сделки заключались рукопожатием (к рукопожатиям англичане прибегают редко).

Еще вспоминается мне изречение: «Благоразумие — лучшая часть доблести».

Нравственные понятия, которых нам очень не хватает в оценке людей: порядочность и честь. Очень редко, хваля человека, говорят: «Он поря-

дочный человек». И еще реже: «Он поступил, как подсказывала ему честь».

А между тем, подумайте, сколько применений обоим понятиям: порядочность в семейной жизни, порядочность критика, порядочность журналиста, порядочность в любви. Честь врача, честь рабочего, честь инженера, честь школы, честь завода, честь комсорга, честь гражданина, честь мужа или жены. Слово, данное человеком — кем бы он ни был, должно быть сдержано, иначе запятнана его честь. Как правильно быть «невольником чести» — это высшая свобода и независимость!

Если бы Пушкин не вызвал на дуэль, не защитил честь своей жены (хотя от современных нам «сплетников» это ему и не удалось), и к этому разговору мы еще вернемся, он никогда бы не защитил и честь своей поэзии. Поэт не может быть с запятнанной честью, ибо личность поэта — часть его поэзии.

С.— Да, разговор о последних днях Пушкина впереди. Думаю, это должно быть темой отдельной беседы. Дмитрий Сергеевич, есть выражение — «и честь, и совесть». Между тем, это понятия разные. Не так ли?

Л.— Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть — всегда исходит из глубины души и совестью в той или иной мере очищаются. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обще-

ству. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие несвойственные нашему обществу явления, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совестливое сердце. «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее») и т. д. Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много, начиная с Академии наук СССР, настаивавшей на явно неудачных и крайне расточительных проектах (например, частичного поворота стока северных рек, строительства загрязняющих Байкал сооружений и пр.).

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью. Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, «чиновничьей») души.

С.— И в каждом конкретном случае понятие о чести тоже будет носить конкретный смысл и представлять собой серию конкретных поступков.

Л.— Конечно. И я возвращаюсь к разговору о чести рабочего, чести врача, чести инженера, чести учебного заведения, чести той или иной профессии в целом. О чести можно написать целую книгу. Если официальное лицо не выполняет обещанного,— оно бесчестно. Если рабочий «напортачит» в своей работе,— он опозорит себя. Если школьник недопустимо ведет себя на улице,— он забывает о чести школы. Если инженер ради премии легкомысленно вносит «рационализатор-

ские» предложения, удешевляет изделия, но не вникает в суть конструкций и подвергает опасности пользующихся этой конструкцией,— он роняет честь инженера.

А честь врача? Позволяет ли честь врача небрежно лечить стариков только потому, что пенсионеры якобы «обуза» обществу? Мне рассказывали, что при вызове «неотложной помощи» вошло в моду допрашивать, сколько лет больному. Если лета преклонные, то бывает, что на вызов «спешат медленно», мол, все равно старик, не сегодня, так завтра помрет. Врачи, поступающие подобным образом, не имеют права считать себя честными людьми. Внимательное и заботливое отношение к детям и старикам, к тем, кто особенно нуждается в помощи,— признак нравственного здоровья общества. Честь требует соблюдения правды во всем, строгого выполнения своего долга, своих обещаний.

Безнравственны преувеличения ценности, допустим, своего проекта, своих предложений, нужности своего учреждения, хотя, казалось бы, эти преувеличения и направлены не на личную наживу, а для «общественной пользы». Но сознательное преувеличение ценности собственного проекта общественной пользы принести не может. Оно несет только ущерб.

Честь — это прямая походка в поведении, это взгляд в глаза, это искреннее рукопожатие, это бескорыстие, отсутствие саморекламы...

Особенно нужно сейчас говорить о чести ученого. В нашем обществе все больше и больше возрастает роль науки. Отношение к обществу, отношения ученых между собой крайне осложнились. И нет в науке правил нравственного пове-

дения. Необходимо создать моральный кодекс ученого. Я не слышал ни об одной конференции или совещании, которое было бы посвящено нормам морали ученого.

О морали семейной жизни говорят и пишут без конца, даже назойливо, а о более сложной материи, о морали научной среды — полное молчание. А между тем, случается, крупнейшие ученые, люди с именами и авторитетом легкомысленно утверждают колоссальные авантюристические проекты, скрывая их рискованность, — только чтобы понравиться «начальству». Только чтобы извлечь из этого выгоду для своего учреждения и, следовательно, для себя лично.

С.— Единственный известный профессиональный кодекс поведения — это клятва врача, медика, восходящая к временам Гиппократу. И эта клятва выдержала великое испытание временем — сменялись эпохи и цивилизации, но буква ее оставалась неизменной.

Л.— Почему же только буква? И буква, и суть.

С.— Но мы только что говорили о врачах, которые не спешат спасать стариков. Ведь они давали клятву...

Л.— Клятву давали, а затем нарушали ее, что аморально и преступно. Не клятва ведь виновата. И суть, и буква ее прекрасны. Виноваты те люди, которые, дав ее, затем ее же нарушили... То есть стали клятвопреступниками. Все на свете случается — могут прийти усталость, собственные болезни... Человек в один прекрасный день может почувствовать, что уже не в состоянии немедленно мчаться на первый зов больного... Тогда честнее всего найти в себе силы публично снять с себя клятву, объяснить, что ты уже не можешь испол-

нить те святые обязательства, которые дал людям... Трагично? Конечно. Но честно.

С.— И надо создать такую ситуацию в обществе, чтобы эти честные поступки находили понимание, чтобы к ним относились с уважением подлинным и глубоким. Меня потрясла история, случившаяся недавно с очень опытным и дельным психиатром, одним из авторов метода лечения электросном. Мы в этих диалогах не называем имен. Но здесь я рискну. Имя врача — Евгения Ивановна Куликова. Ей уже за шестьдесят. Полную нагрузку в клинике ей нести уже было трудно, о чем она честно и сказала. Но она могла бы еще многие годы работать консультантом. Гигантский опыт, знания — все это еще очень пригодилось бы тысячам людей. Но по каким-то бюрократическим законам, неизвестно кем и когда сотворенным, выпестованным и взлелеянным, места консультанта ей почему-то предложить не смогли. И она, много лет так успешно практиковавший врач, теперь работает ночным сторожем в одной из совсем не медицинских организаций. Заниматься частной практикой она не желает — ей это претит. Сидеть в одиночестве в своей двухкомнатной квартире — тоже не может: любит людей, любит общение с ними. К ней и сейчас рвутся пациенты, но выписать рецепт она не имеет права — личная печать врача у нее осталась, а учрежденческой печати нет — без нее рецепт недействителен. Право, не понимаю, почему бы при клиниках, лечебницах, больницах не создать институт внештатных консультантов, которые могли бы оказывать помощь больным, но работали бы уже не полный рабочий день? Это относится и к другим специальностям — конструкторам,

ученым, инженерам... Да, собственно, и ко всем специалистам. Пока такое не будет сделано, люди, боясь оказаться за бортом, как бы внезапно изъятыми из общества, будут правдами и неправдами цепляться за места. Многие не сумеют найти в себе силы своевременно уйти.

Л.— У этой проблемы конечно же много аспектов. Сейчас, перестраивая общество, решительно модернизируя его, все это надо учитывать.

С.— Правда, полной гармонии не бывает. Ждать, что она возникнет в течение года-двух,— наивно.

Л.— Но стремиться к ней надо. По крайней мере видеть ее перед собой в качестве идеала.

С.— Возвращаясь к теме разговора о профессиональных кодексах поведения, хочу сказать, что четко сформулированный моральный кодекс ученого в какой-то мере будет явлением новым и крайне необходимым. Возможно, сегодня не все психологически готовы к его созданию и принятию.

Л.— Пусть так. Но ввести его необходимо. И как можно скорее. Неприятно об этом говорить, но обязан. Еще недавно некоторые крупнейшие ученые считали возможным подписывать своим именем созданные их подчиненными эффективные, но рискованные проекты, осуществление которых могло бы привести к неконтролируемому изменению условий обитания целых регионов. И вообще, как можно вступать в соавторство со своими подчиненными? Все это аморально.

Случается, руководитель научного учреждения подписывает работы других авторов своим именем, оправдывая себя тем, что они написаны по его методике. Это совершенно недопустимо. На то он

и директор учреждения, руководитель, чтобы внедрять прогрессивную и перспективную методику. Если на работе стоит гриф учреждения — этого достаточно. Ссылки на руководителя учреждения возможны тогда, когда в том есть прямая необходимость. А иначе — зачем?

С.— В одном из старых журналов прочитал я как-то грустно-элегический рассказ об одном из учеников Эдисона. Имя ученика, видимо, было вымышленным. Да я его и не запомнил. Сюжет таков: Эдисон обучил молодого человека всем премудростям, связанным с электрическим освещением, а затем спросил, все ли тот осознал. Ученик ответил, что понял все, но... В частности, ему неясно, как же все же в эту электрическую лампочку накаливания попадает керосин, а поскольку без керосина лампа гореть не может, то при чем здесь электричество? Может быть, нечто подобное происходит и с теми, кто вроде бы понимает, что технический прогресс породил нравственные и философские вопросы, но по-настоящему не осознает этого.

Л.— Вот так в конце 1985 года Академия наук СССР поддержала проект поворота части стока северных рек. Под каким нажимом со стороны Президиума АН СССР на отдельных ученых это было сделано!

С.— Это драматическая ситуация в обществе. Пугающая и настораживающая. Думается, такие проблемы должны становиться предметом публичного изучения и анализа, а не келейного, не в узком кругу. Лишь в этом случае те, кто принимают безответственные решения, будут чувствовать неотвратимость общественного суда, перед которым рано или поздно придется предстать. Это тот

единственный суд, которого боялся Борис Годунов: суд народный, суд справедливый. Пусть такое сравнение не покажется натяжкой. Сейчас поясню. К чести Годунова надо сказать, что, прорвавшись на трон, он понимал — с него спросится за все, что он совершил или чего не совершил. Сегодняшняя наука формально — не на троне. Она не царь, не самодержец. Но у нее куда больше фактической власти над судьбами миллионов людей, чем у Бориса Годунова. Тем бóльшая ответственность ученых за каждый свой шаг. Времена непродуманного «новаторства» миновали.

Л.— И мы еще раз, Николай Григорьевич, возвращаемся к мысли о необходимости морального кодекса ученого. Не устану это повторять. Научная среда должна перестроиться, должны измениться многие оттенки взаимоотношений ученых с миром, ученых между собой. Тут нужно учесть еще вот что: наука становится все более специфичной. Во многих ее проблемах могут разобраться только специалисты. Руководители государства и общества не могут да и не должны, подчеркиваю, вникать в специфические тонкости тех или иных сложных проектов, отдельных направлений научной мысли. Во всем этом очень часто может разобраться только узкий специалист, или же — назовем его иначе — человек со специальной подготовкой. Но этот узкий специалист должен обладать широким и глубоким уровнем гражданского мышления. А сегодня это не всегда так.

С.— Да, собственно, вопрос о моральном кодексе ученого, о его ответственности за совершаемые действия, создание тех или иных проектов следовало поднять сразу же после Хиросимы и Нагасаки, а может быть, и ранее. Например,

в начале века на вооружение германской армии уже поступили газы. Герберт Уэллс считал, что уже одних их достаточно, чтобы уничтожить цивилизацию. Он немало и с тревогой писал об этом, требовал создания Временного правительства, запрета опытов, несущих угрозу цивилизации, но времена были сложные, эйфория, порожденная техническим прогрессом и его внешними, но одновременно во многом сиюминутными успехами, не давала возможности услышать голос спокойный и мудрый. Я не принадлежу к поклонникам таланта Уэллса, но признаю, тревогу он бил своевременно. Однако был услышан далеко не всеми. Скорее — лишь немногими... Ну, а сейчас пришли не только ядерное, но еще и лазерное, биологическое... Отдельный разговор должен идти о возможности насильственного влияния на генетический код... Это тоже проблема проблем... Надо подумать и о запретных темах научных исследований. Такие темы есть. Не следует пугаться самой идеи «вето».

Л.— Согласен. И вот пример: говорят, кто-то пытается скрестить человека с обезьяной, чтобы вывести удобную породу биороботов. Такое было бы крайней степенью аморальности. А создание новых видов оружия массового уничтожения?

С.— Ясно одно, Дмитрий Сергеевич: сегодня ситуация серьезна, как никогда. Колокол пробил! Колокол, предупреждающий нас, что цивилизация подошла к такому рубежу развития, когда она стала способна на успешную самоагрессию, то есть она может себя уничтожить. Тем ответственнее должны быть ученые, тем больше необходимости в том, чтобы каждое открытие, технические новинки попадали в руки людей ответственных,

способных думать о благе всего человечества.

Л.— Естественно, ученый должен чувствовать ответственность за каждое свое действие. Нужна психологическая перестройка с учетом могущественности сегодняшней науки. Сила должна быть ответственной. Безответственная сила рискует стать разрушительной. Вот почему еще и еще раз говорю: необходим моральный кодекс ученого. В нем следовало бы предусмотреть и то, чтобы в руководители учреждений, всей науки не попадали люди, которые сами не дали и не могут дать никаких серьезных, принципиально важных научных идей. Руководить наукой может только человек, который сам в ней работает и обладает научным методом. Так называемые «организаторы науки», все чаще заступающие место ученых на постах руководителей научных институтов и лабораторий,— опаснейшая категория людей. Если чувствуешь, что не обладаешь научным методом, не уверен, что можешь направленно, действенно и в высокой степени компетентно руководить наукой, откажись от должности научного руководителя. Так ты сохранишь свое лицо и свою честь. В связи с этим еще об одном — о школе...

С.— О школе обычной, общеобразовательной, или же о школе жизни? Если говорить о школе жизни, то вопрос это сложный... Для каждого человека — индивидуальный, например, среди тех, кто стали для меня подлинными учителями, были известный крымский историк и искусствовед Александр Полканов, львовский ученый и журналист Иосиф Цьох, польские ученые и писатели Эдвард Воронецкий и Хенрик Панас... Беседы с Хенриком Панасом в один завьюженный снежный вечер на

замерзших Мазурских озерах навсегда врезались в память... И о них, может быть, расскажу подробнее... Это тоже была школа, и великая...

Л.— Я имею в виду, и ту, и иную школы... Школу жизни, школу примера и школу общеобразовательную. Но это тема отдельного разговора. Может быть, перенесем его на завтра?

С.— Итак, до утра?

Л.— Доброй вам ночи!

Вечер второй

С.— Вчера мы прервали разговор о школе. Напомню, в каком контексте о ней зашла речь — в связи с необходимостью вновь возродить в обществе понятие чести мы заговорили о школе. И о школе жизни, и об общеобразовательной школе, которая, как известно, формирует людей, закладывает основы структуры личности. Это всеми признаваемо не только со времен древних греков, но, пожалуй, еще и пораньше. То, что не привито в школе, упущено, наверстывать и исправлять позднее очень трудно, если вообще возможно. Как будто это прописная истина.

Л.— Но ее опять-таки очень часто признают, вроде бы понимают, но не осознают. Что такое школа? Для чего она? Вопрос кому-то может показаться примитивным, упрощенным. Но это только на первый взгляд.

С.— И на взгляд очень поверхностный. В значительной степени человек — это то, чему научили его в школе.

Л.— Да, в значительной степени. Недаром издавна школу называли «второй матерью».

С.— Той матерью, которая воспитала и выучила.

Л.— О школе, Николай Григорьевич, можно сказать и уже сказано немало прекрасных слов. Но давайте напомним, что же такое школа? Это прежде всего воспитательное учреждение... Воспитательное, а не просто учебное. И знания не должны сыпаться на ученика бесконтрольным потоком. В связи с ростом уровня знаний, с раз-

витиём науки постоянно усложняются и те предметы, которые изучаются. Учащийся должен выходить из школы, будучи готовым освоить любую профессию, которую внезапно по тем или иным причинам может предложить ему жизнь. Постоянно рождаются новые профессии. Их нужно осваивать быстро. Причем часто самому. Попытка слишком ранней специализации приносит сомнительные результаты. Знания быстро устаревают. Следовательно, надо постоянно переучиваться, что рискует вылиться в процесс непрерывный. Выход один — выпускник школы должен обладать научным мышлением, которое едино для всех наук. Именно владение научным мышлением на современном уровне позволяет быстро осваивать ту или иную, зачастую только что возникшую, специальность. Кроме того, если оно доступно человеку молодому, сводятся к минимуму ошибки в выборе профессии.

С.— Высокий уровень мышления всегда сказывается во всем. Например, столь полярные люди, как Юлий Цезарь и Наполеон, неплохо писали. Один — философско-исторические раздумья, другой, Наполеон — романы в вольтерьянском духе. Нелишне вспомнить о том, что все талантливые люди были весьма разносторонни. Прекрасными художниками были Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Шевченко, Карузо, а Шаляпин — скульптор, да и немного писатель. Хрестоматийный пример: Грибоедов был не только дипломатом, но еще и поэтом, драматургом, композитором. Что же касается польского писателя Выспяньского, то я затрудняюсь сказать, в чем больше и полнее выразился его талант — в поэзии, драматургии или в изобразительном искусстве. Однажды я

провел в Кракове целый день, так сказать, «наедине» со Станиславом Выспяньским. Побывал в его музее, долго стоял в костеле у созданных им витражей, а затем сидел на скамеечке на Рыночной площади и все вчитывался, вчитывался и вчитывался в «Свадьбу». Было такое ощущение, будто погружаешься в огромный мир, в котором еще много неведомого, что еще только предстоит понять и познать — противоречивого и единого, но мира прекрасного, рожденного высокой культурой мысли и чувства. Может быть, потому все талантливые люди так многосторонни, что без высоты чувств и мысли и подлинная реализация любых способностей невозможна? Все таланты были многогранны.

Л.— Готов дополнить по памяти: Эйнштейн любил музыку, многие писатели были великолепными актерами, режиссерами.

С.— Таких примеров много. Мне доводилось слушать арии из русских опер в исполнении русских писателей, украинские песни в исполнении украинских литераторов и кинорежиссеров, средневековые армянские песни, которые пели ереванские журналисты, польские песни и даже арии из опер в исполнении польских литераторов. У некоторых из них было музыкальное образование, у других — просто тяга к музыке. Но исполнение отличалось высоким уровнем культуры, тонкими и богатыми оттенками чувств. Ну, а легендарный польский пианист Юзеф Гофман по легенде, которая очень похожа на правду, однажды, попав на своей машине в снегопад и устав расчищать перчаткой переднее стекло машины, тут же изобрел снегоочистители — «дворники», повторив принцип метронома. «Дворники» стоят и сегодня на всех

автомашинах. И никто, конечно, не вспоминает о том, что их придумал пианист, решивший на минуту стать конструктором.

Есть еще одна легенда. Отец знаменитого английского писателя Оскара Уайльда был превосходным врачом. Он творил чудеса. Однажды матрос, зашивавший парус, поскользнулся, упал и вогнал иглу в глаз по самое ушко. Находчивый врач Уайльд, находившийся рядом, тут же схватил магнит — сердцевину одного из корабельных приборов — и с его помощью выдернул иглу. Глаз был спасен. Дело решила высокая квалификация мышления. Можно с уверенностью сказать, что этот медик мог бы стать и великолепным ученым, смелым инженером. Да мало ли кем! Во времена Возрождения умение работать в различных областях человеческой деятельности считалось само собой разумеющимся.

Л.— Ну, а позднее великолепный урок многоплановости преподавал нам Петр Первый. И не он один. Убежден: если человек обладает научным методом в своей области, ему нет труда применить этот научный подход к любому вопросу, даже не в своей специальности. Известный пушкинист Б. В. Томашевский не имел филологического образования. По образованию он был инженером-математиком.

С.— Следовательно, высокая квалификация мышления с давних времен позволяла успешно осваивать иной раз даже не смежные, а как бы диаметрально противоположные профессии. Причем везде быть на высоте, сверхспециалистом. Что же касается узкой квалификации, то она оказалась троянским конем — ограничила кругозор, сковала мысль, а главное, привела к неуме-

нию увидеть любую научную или эстетически-художественную проблему в общественном контексте. Вместе с узкой квалификацией пришла мастеровитость, но стала угасать обдуманная и ответственная смелость поступков и решений, основанная на высочайшем уровне компетентности. Времена, когда просто дерзостно, лихим кавалерийским ударом можно было, как говорится, брать города, ушли навсегда.

Л.— Именно об этом, Николай Григорьевич, я и говорю. Уверен, что серьезнейшее внимание в школе должно быть уделено преподаванию логики. Вообще развитию логического мышления. Не просто изучил предмет под названием «логика» и сдал экзамен. Совсем не об этом речь. Логическое мышление должно быть освоено молодым человеком. Без этого он не сумеет спорить, не сумеет отстаивать свои убеждения и себя проверять, что чрезвычайно важно. Не владея логическим мышлением, человек не способен к самоусовершенствованию, духовному росту. Да, надо уметь себя проверять. И уметь проверять других. Тут я сам себя как бы перебыю. По тому или иному вопросу, порою принципиальному, в школе обычно излагается только одна точка зрения, которую учащимся предлагают запомнить и как бы вызубрить на память. И когда позднее учащийся, вернее — бывший учащийся, сталкивается с другой точкой зрения, изложенной, быть может, не менее темпераментно и с большой настойчивостью, он на эту, иногда неверную, а иногда даже враждебную точку зрения может легко перейти. У него нет способностей и инструментов контроля, нет фундамента логического мышления. Нет способностей к самообороне. И поэтому его могут скло-

нить и на преступление, и на явно аморальные по сути поступки. Это очень большая опасность. Нужно развивать самостоятельность взглядов, нужно учить человека вырабатывать эти взгляды в себе самом, умению спорить, отстаивать свои убеждения в любых сложных ситуациях, которые может внезапно предложить жизнь.

С.— Другими словами, Дмитрий Сергеевич, убеждения будут крепки лишь тогда, когда человек к ним придет путем серьезной внутренней работы, если его взгляды будут свободно выбранными и избранными, если они станут его личными и взглядами и убеждениями. Наивно думать, что при росте и совершенствовании средств массовой информации можно уклониться от все тех же личных столкновений с системой чуждых нам воззрений, от атак мелкобуржуазной психологии, от давления индивидуалистического взгляда на мир.

Не обладая высоким уровнем внутренней сопротивляемости, стойкости, гибкости, которую не следует путать с ловкостью, очень трудно дать грамотный отпор хорошо вооруженному, да и к тому же иной раз закамуфлированному противнику. А уровень внутренней стойкости зависит еще и от силы логического мышления, умения внутренне, зачастую даже не вслух, разбивать враждебные аргументы, чтобы затем отыскать нужную реакцию — когда гневное слово, когда молчание, которое красноречивее слов, когда иронию, а когда и действие...

Л.— Именно так. Убеждения могут быть твердыми, когда они выношены, когда закалены в спорах, когда существует понимание, что людей, которые никогда бы не ошибались, никогда не

было и быть не могло. Даже самые великие писатели, художники, ученые ошибались...

С.— Рискнул бы сказать, что слепая вера в авторитеты — одна из главных опасностей, которая подстерегает человека. Впрочем, попытки атаковать все и всяческие авторитеты в конечном итоге столь же губительны. Очень часто за ними кроются попытки личного самоутверждения любой ценой, без веских на то оснований, то есть не борьба за свои идеи, а борьба против чужих идей — против любых чужих идей, в том числе и тех, которые, если обуздать внутренний зуд ниспровергательства, вполне могли бы быть приняты и поддержаны. На мой взгляд, обе крайности плохи... Если уж говорить об авторитетах, то лично для меня авторитетен тот, кто способен сам себя поправлять, если чувствует в том необходимость... Как тут не вспомнить Гете — одного из авторитетнейших и квалифицированных людей, известных нам. Он отказывался слепо верить даже самому себе. После премьеры оперы Моцарта «Похищение из сераля», опрокинувшей привычные музыкальные стереотипы той поры, Гете написал: «Все наши стремления к простоте и самоограничению оказались напрасными, когда появилась «Похищение из сераля» Моцарта». То есть Гете нашел в себе силы признать, что темперамент, буйство мелодий, красок, присущие музыке Моцарта, некоторая неудержимость, как бы неуправляемость, что совсем не совпадало с тем, за что боролся в искусстве сам Гете, что иные эстетические концепции не только имеют право на жизнь, но и в чем-то побеждают, оказываются предпочтительнее.

Л.— Это как раз пример умения критически мыслить, даже если критичность направлена

на самого себя. В одной давней статье об А. А. Шахматове мною рассказано, как он отказался от своих прежних взглядов — признал ошибки. А слепая вера в авторитеты — очень большое зло.

Если читатель начинает оценку произведения литературы (в глубине души, разумеется) с того, что крупный это писатель или не крупный, он уже утрачивает возможность собственного суждения. Утрачивается возможность непредвзятого, естественного восприятия того или иного произведения, а оно — драгоценно. Качество личности и определяющее мерило ее ценности — самостоятельность. Если «внушаемому» человеку твердят, что перед ним писатель или художник, каждое произведение которого шедевр, он начинает им безоглядно восторгаться. При таком подходе исчезает критичность взгляда, его объективность. В конечном итоге притупляется интерес к чтению, ожидание маленького или большого чуда, встречи с неожиданной радостью, рождением нового имени. Это опасная тенденция. С дальнейшим развитием радио, телевидения, отличающегося особой убеждающей силой, возникает опасность того, что многие, очень многие перестанут самостоятельно мыслить. Они будут верить, что лишь прославляемые с голубого экрана писатели, художники, артисты, композиторы вносят нечто значительное в культуру. Но на радио и телевидении тоже работают обычные люди, которым, как всем нам, свойственно иной раз ошибаться.

С.— И тут в пору вернуться к разговору о хронологическом провинциализме, чрезмерной приверженности веяниям момента, которыми вполне могут быть заражены те люди, которые

готовят телерадиопередачи. Тогда этот ущерб, как говорят, многократно тиражируется.

Л.— Об этой опасности я и говорю. Ведь могут присутствовать и вкусовые моменты, недостаточно выверенные мнения. Но когда они услышаны сотнями миллионов людей одновременно, возникает процесс мгновенного формирования общественного мнения, а все дело в том, что голубому экрану нельзя возразить, с ним нельзя поспорить... С ним не может быть обмена мнениями, полемики. Ну, в лучшем случае можно написать реплику в газету. Не более того.

С.— Дмитрий Сергеевич, здесь я хотел не то чтобы возразить, а как-то уточнить предмет разговора. Влияние на общественное мнение таких средств массовой информации, как телевидение,— действительно новое явление. И мы к нему в полной мере еще не привыкли. Но некогда, наверное, столь же трудным было привыкание к печатной книге. Внезапно мир оказался наводненным миллионом книг, многие из которых несли мысли серьезные, яркие, глубоко воздействовавшие на читателей. И это в конце концов заставило тех же педагогов подтянуться, стать если не «умнее» книги, то выступать в роли толкователей, просвещенных комментаторов, учитывавших психические, личностные особенности учеников,— то есть в большой степени особого рода педагогами, воспитателями, а не просто носителями знаний, какими они зачастую бывали в раннем средневековье. По этому поводу можно иметь разные мнения. Но, пытаясь реконструировать состояние многих умов в эпоху рождения печатной книги, следует признать, что оно было смятенным. Книгу считали не только благом. Многие именовали

и «стоглавой гидрой ереси», боясь, что она может навязать не только полезные мысли и воззрения, но и явно вредные. Затем постепенно убедились в том, что книги разные. Есть хорошие, есть плохие, есть явно вредные. И научились к книгам относиться дифференцированно, то есть отбирать для себя нужное, спокойно относиться к тому, что не входит в круг индивидуальных интересов, и ставить их на дальнюю полку. Такое же, на мой взгляд, должно произойти и со средствами массовой информации. К ним начнут подходить выборочно. Радиоприемники и телевизоры перестанут звучать в квартирах непрерывно. Их станут включать, только когда в этом возникнет внутренняя потребность. Многие уже сейчас так поступают.

Л.— Конечно, уже и сейчас очень многие, не праздные люди просто не в состоянии постоянно сидеть у телевизора или слушать радио. У них физически нет такой возможности.

С.— Естественно. И это станет не исключением, а правилом. А одновременно то же телевидение рано или поздно увеличит количество передач, в которых будут звучать различные мнения — на выбор зрителям.

Л.— Но для этого сначала сам уровень телепередач должен стать достаточно высок. Искусство должно стремиться поднимать каждого до уровня своих вершин, своих пиков, и не пытаться опуститься до уровня рядового зрителя и слушателя, стать понятным умам ленивым и нелюбопытным. И тут, Николай Григорьевич, я хотел бы продолжить это небольшое отступление от темы, которое на самом деле имеет прямое отношение к разговору. Мы сейчас уже поняли, что в музыке усредненность невозможна. Есть музыкальные произведения,

понятные всем, есть такие, которые требуют определенной подготовки, более высокого общего уровня развития. Разным слушателям нужна разная музыка. И при чем здесь утверждение, что о вкусах не спорят. Во-первых, пора спорить, и спорить жарко. Есть развитые, высокого уровня вкусы, есть — примитивные, упрощенные... Нельзя же заставлять всех идти на поводу примитива и упрощенчества! Почему мы стыдливо уходим от того, чтобы напрямик сказать об этом? Боимся обидеть тех, кто может подумать о себе, что у него неразвитый вкус? Ну и что же?..

Мы согласились с тем, что есть музыка сложная, нелегкая для восприятия, но прекрасная. А в изобразительном искусстве мы никак не решаемся согласиться с тем, что есть трудные художники, решающие очень сложные задачи... И живопись может быть очень разнообразной: есть течения, стоящие близко к литературе. Например, русские художники XIX века, которых принято называть «передвижниками» — И. Крамской, В. Перов, И. Репин, В. Поленов, А. Саврасов, И. Шишкин, В. Васнецов, А. Куинджи, И. Левитан и другие. Есть течения, близко стоящие к архитектуре. Один из самых ярких представителей этого течения — итальянский график Джованни Баттиста Пиранези. А творчество литовского художника Микалоюса Чюрлениса ближе к музыке, и так далее.

С.— Для восприятия произведений такого рода необходима серьезная подготовка...

Л.— Очень серьезная, Николай Григорьевич. И чтобы самим себе не признаться в этом, поддаются соблазну назвать таких художников элитарными. Что значит — элитарный? Это просто

сложное искусство. Оно и должно быть сложным. У живописи — своя специфика. Ее зачастую не так просто понять. Нужны усилия души, ума, напряжение чувств... Выставок сложных художников меньше... Одна из последних — выдающегося русского художника Аристарха Лентулова, стремившегося использовать в своем творчестве и традиции русского лубка, и русский иконы, одного из основателей объединения московских художников под названием «Бубновый валет», существовавшего в 1910—1916 годах. В объединение входили теперь ставшие всемирно известными — П. Кончаловский, А. Куприн, И. Машков, Р. Фальк и, естественно, А. Лентулов. Считается, что наряду с обращением к изучению эстетики русского лубка, иконы, игрушки они учли уроки Поля Сезанна, фовизма и кубизма — авангардистских течений в европейском искусстве тех времен.

С.— Одним словом, это было явление сложное, не прямолинейное и уж никак не одномерное.

Л.— Конечно. Потому и к пониманию творчества таких художников прийти не просто. И то, что в Пензе музей Аристарха Лентулова открыт — замечательно. Кстати, там же открыт и музей Всеволода Мейерхольда — одного из самых замечательных деятелей нашего театра первой половины нынешнего века. Режиссера тоже очень сложного.

С.— Но в литературе, Дмитрий Сергеевич, всегда были и всегда будут разные пласты, рассчитанные на читателей разного уровня, темперамента, разной степени подготовленности...

Л.— Разумеется. И во многом — проблемы те же.

С.— Так вот, возвращаясь к разговору о средствах массовой информации, нет ли необходимости

подумать о том, чтобы постепенно ввести на телевидении различные дифференцированные программы, которые каждый мог бы смотреть по своему желанию... Не просто программы классической музыки, а какие-то более сложные передачи: и об исполнительском мастерстве и по вопросам отечественной и мировой истории. И по многим, многим другим... Борясь с атакой «массовой культуры», ей надо противопоставить образцы культуры высокого гуманизма и столь же высокой эстетической пробы... Не боясь того, что кто-то поначалу этого не поймет, кого-то это может даже и испугать...

Л.— Ну конечно же бояться этого не следует. Ни в коем случае не следует.

С.— В конце концов тот, кому это недоступно, пусть пока смотрит более простые программы... Со временем захочет смотреть и такие... Не он сам, так его дети или внуки...

Л.— Думаю, что к этому общество обязательно придет, как когда-то пришло к необходимости издавать книги различные — сверхсложные и сверхпростые. Чтобы научиться читать и понимать сверхсложные, начинать надо с простых. То же самое случится и с нынешними средствами массовой информации. Важно только, чтобы процесс этот шел побыстрее. В чем-то ситуацию можно ускорить, как говорят, помочь ей. Конечно же, передачи, рассчитанные на то, чтобы «всем все понятно было», все доступно,— это вовсе не демократизация культуры, а явный шаг назад в направлении культуры «массовой», упрощенческой. Обидно это кому-то или не обидно, но правильнее своевременно назвать проблему, не лукавить перед самим собой.

Культура, искусство — совершенно очевидно, и иначе быть не может — должны обогащать, поднимать на более высокий уровень духовного развития. Рано или поздно телевидению придется это учесть.

С.— Да в чем-то оно уже и сейчас это учитывает. Но это, пожалуй, лишь начало. И коль скоро мы заговорили о средствах массовой информации, то в пору вспомнить и о «человеке при должности» в этих структурах, который очень часто волевым усилием решает, кого из деятелей культуры, литературы, искусства пропагандировать. Тут может возникнуть вольный или невольный произвол, вкусовщина в пропаганде тех или иных имен. Есть ли опасность, что явление это станет прогрессировать, а то, чего доброго, станет нормой?

Л.— Такая опасность существует. И против нее есть, как мне кажется, действенное средство. Должны быть созданы научные и художественные советы нового типа. Не очень большие и не из представительных фигур, которые будут занимать места в десятках советов и нигде не смогут работать всерьез. Скажем, редколлегии и редсоветы журналов и издательств надо пересмотреть. Громкие имена нужны не всегда. Важно, чтобы люди, входящие в них, были компетентны и никак не зависели от тех, кому эти советы советуют и дают рекомендации. Все советы, не только редакционные и художественные, но и технические, научные должны быть тщательно укомплектованы не чиновничьи, не кое-как, не по ложному широкому представительству (столько-то мужчин, столько-то женщин, столько-то молодых, столько-то пожилых, столько-то от такого-то учреждения, а столько-то от другого, и так далее), а по принципу компетент-

ности и способности тех, кто в них вошел, выносить независимые суждения. Уверен, что мы обязательно пройдем через такой этап в своем развитии, когда сила подобных общественных советов станет огромной, чтобы не сказать — решающей и определяющей. Это станет важным шагом на пути демократизации жизни.

С.— Идея независимых общественных советов великолепна. Но, с одной стороны, эти советы должны быть общественными, а с другой — состоять из людей компетентных, то есть профессионалов. Как достичь такого сочетания? Людей надо чем-то заинтересовать. Чем же?

Л.— Вопрос сложен. И ответ на него дать не так-то просто. У нас в какой-то степени стали антонимами понятия: энтузиаст и профессионал. Между тем нужно более пристальное внимание к людям, умение увидеть в человеке сочетание и того, и другого.

С.— Кроме того, Дмитрий Сергеевич, такие советы могут стать формой проверки зрелости человека, свежести и уровня его мышления. Да и своеобразной школой.

Л.— Разумеется, Николай Григорьевич.

С.— Необходимость более широкого участия общественности в решении любых вопросов, и уж особенно — вопросов кардинальных, влияющих на развитие цивилизации в целом, ощущается сегодня во всем мире. Ведь не случайно все большую силу обретает движение за сохранение облика Земли, разумного использования ее ресурсов, против того, чтобы кто-то вопреки воле большинства узурпировал право решать, куда течь рекам, где расти лесам и даже... какие памятники культуры подлежат уничтожению.

Л.— Да, думаю, что наблюдается рост общественного сознания во всем мире.

С.— Рождение общепланетарного сознания, единого в каких-то кардинальных, главных вопросах... И в этом случае вновь сыграли свою роль, но на этот раз явно положительную, средства массовой информации.

Л.— Видимо, так, но сделать предстоит еще очень многое. Печальная история с гостиницей «Англéтер» в Ленинграде — лишнее тому подтверждение. Кому понадобилось ее сносить? Для чего? Ведь с этой гостиницей связаны страницы нашей истории, культуры. Ее уничтожение оскорбляет глубинные чувства многих и многих людей. Такое не прощается. Трагично, что мы говорим не о единичных случаях. Об «Англéтере» писали в газетах. О многом не пишут по той простой причине, что обо всем и написать невозможно. В Ярославле многие дома XIX века имеют самостоятельную историко-культурную ценность, связаны с именами Некрасова, Шаляпина и многих других выдающихся деятелей отечественной литературы, искусства, науки. А можно ли было пытаться сносить дом друга Пушкина — Дельвига? Но чтобы берегли эти памятники, а не спохватывались после газетных статей, необходимо поднять общую культуру населения — всего. В Италии, например, более высокий уровень общей гуманитарной подготовки, выше уровень эстетических чувств. За это надо бороться. Человек, в котором живо эстетическое чувство, не способен разрушить памятник архитектуры, уничтожить произведение искусства.

С.— Я много думал об этом, Дмитрий Сергеевич. Откуда берется вандализм? Каковы его истоки?

Не всегда это невежество. Вернее, не всегда только невежество. Тут присутствует еще более сложный комплекс... В литературе, искусстве частенько наблюдалось нечто вроде заговора бездарностей, стремящихся захватить должности, влиятельные места, позиции, чтобы настоять на своем и только своем понимании мира. С одним архитектором у меня был яростный, тяжелейший спор по поводу старой Москвы. В его мечтах центр города виделся застроенным стандартными блоками, совершенно одинаковыми домами-башенками... Это был приступ какого-то странного, дикого и опасного вдохновения... Что если такой «вдохновенный» гражданин добьется возможности воплотить свои мечты в реальность? Для человечества будет потерян один из самых интересных городов, созданный трудом и гением многих и многих поколений. Возможно, такой новый город был бы неплох, если бы его и строили на новом месте, как, к примеру, город Бразилиа или предполагаемую новую столицу Аргентины Вьедму. Она будет возведена рядом со старым маленьким городком, но старый все же не тронут, не снесут с лица Земли. Ну, а ломать, сносить то, что представляет огромную историческую, культурную ценность, — покушение на цивилизацию в целом. За подобные действия нужно нести ответственность перед историей, перед судом людским, а может быть, и перед судом обычным... А мысль о заговоре бездарностей не дает покоя... Все талантливое, яркое, неожиданное, необычное вызывает у не очень одаренных и внутренне не развитых людей желание остановить, запретить, одернуть, вне зависимости от того, имели ли талантливость, необычность, неординарность отношение к прошлому

или настоящему... Дай таким волю, они попробуют выпрямить и подпереть падающую Пизанскую башню, чтобы стояла ровно и дразнила взгляд. Греческий мрамор, скульптуры покрасят бронзой, а на Золотых воротах в Киеве укрепят гигантский термометр или же рекламный щит... Зачем, дескать, поверхности даром пропадать? Внешне подобное может выглядеть как бы даже рационально, но рационализм этот особого свойства, уничтожающий гомосферу и грозящий всему человечеству в целом... Здесь сложный комплекс проблем... Попытки отнять у людей прошлое означают потерю и будущего... Тревога не на пустом месте... Как, например, забыть историю с деревней Сторожово, упоминающейся еще с XIV века? Ведь там собирались построить карьер для добычи гравия.

Л.— Теперь угроза как будто отведена. Во всяком случае — на ближайшее время.

Но удивляет иное: неужто забыли, что именно эти места у Плеса помогли Левитану открыть для себя самого, а следовательно, и для всех нас русскую природу. Можно, конечно, спорить — Левитан ее открыл или Васильев? Но это уже тема отдельного разговора. Важно, чтобы общественное сознание было подготовлено к пониманию того, что ради гравия, который не редкость, не следует уничтожать места, связанные с исторической и художественной памятью. Существой общественный совет, независимый, с широкими полномочиями по сохранению памятников старины и культуры, он сумел бы стать на пути ретивых строителей. И не только на Волге, но и в самой Москве, где уже натворили много непоправимого, настроили безликие дома, слепо копирующие

чуждые нам образцы архитектуры. Ведь эти кварталы — не творчество. Это — имитаторство. Но очень ловкое. А потому и особо опасное.

С.— Имитаторство, которое, во-первых, не сразу и распознаешь, а во-вторых, рядящееся в тогу прогресса, прикрывающееся разговорами о новых современных формах, а по сути — не более как погоня за внешними признаками моды, явление пустое и неперспективное, лишенное национальных корней.... Очень грустное явление. И как тут опять не сказать о том, что общественный совет по архитектуре и градостроительству в целом, если бы он состоял из людей, во-первых, компетентных, а во-вторых, с высоким уровнем честного, гражданского отношения к делу, и здесь поднялся бы на защиту старой Москвы, чтобы сохранить ее для будущих поколений. Необходимы такие спешные меры и действия для сохранения Новгорода от расширяющейся в тех местах сети промышленных предприятий, уже наделавших много бед в Ясной Поляне. Эти меры в последнее время принимаются.

Л.— Горький опыт учит быть осторожнее, действовать осмотрительнее. Но, может быть, Новгород удастся спасти. Хотя уже сейчас понятно, что понадобятся значительное время и немалые средства для восстановления многих новгородских памятников, работы по их сохранению. Но под угрозой затопления Макарьев на Волге, где когда-то цвела ярмарка самая большая в мире по совершавшимся сделкам. Под угрозой Горький (Нижний), где начнутся оползни. И все это — от поднятия уровня последнего отрезка Волги перед Чебоксарской плотинной.

С.— И видимо, опять спасение в единствен-

ном — воспитании самостоятельно, нестандартно мыслящей личности. Только такой человек будет инициативен, решителен в поступках, тверд и ответствен в проведении в жизнь тех идей, которые считает правильными. Он будет не просто с уважением относиться к культуре своего народа, к этногосфере, но ко всей гомосфере в целом. И не только с уважением относиться к ней — это необходимый минимум, но защищать и развивать ее, изучать законы, ею порожденные, учитывать их, понимать.

Л.— Основы подобного мышления и подобной структуры личности надо закладывать еще в школе: грамотно, точно, логично думающий человек, который в ответе и за самого себя, и за тех, кто рядом с ним... Если в море столкнулись два корабля, в этом обязательно кто-то конкретно виноват. Иначе не бывает. Не должны корабли сталкиваться в море. Что произошло? Почему такое случилось? Если на капитанов нашло затмение, то где были их первые помощники?

С.— Вероятно, первые помощники, Дмитрий Сергеевич, целиком и полностью подчинялись приказам своих капитанов. Они были людьми от «инструкции». Особая и опасная категория граждан.

Л.— Но не так давно случилось на море такое, когда любую инструкцию надо было нарушить. Идти на крайние меры — сбрасывать капитанов с командных мостиков, брать на себя инициативу, даже если позднее пришлось бы предстать перед судом за то, что поднял руку на капитана. Суд разобрался бы.

С.— Если бы не разобрался этот суд, то разобрался бы другой. Наконец, и суд не конечная

инстанция. Существуют общественное мнение, память народа.

Л.— Конечно. Ведь нужно было спасать не только свою честь и честь флота, но и жизни людей. И в этой ситуации любой нестандартный и даже дерзкий поступок был бы хорош и нравствен. Одного исполнения приказов, пусть даже самых верных и разумных, мало... Нужно еще то чувство внутренней ответственности...

С.— ... которое в конце концов и становится осознанной необходимостью, дает возможность свободного, смелого поступка.

Л.— Естественно.

С.— Наша сегодняшняя беседа затянулась.

Л.— Разных тем мы в ней коснулись. Отдохнем?

С.— До завтра, Дмитрий Сергеевич.

Л.— До завтра, Николай Григорьевич.

Вечер третий

Л.— А сегодня, Николай Григорьевич, хотелось бы начать вот с чего... Поговорить о чувстве самоуважения... Воспитать его трудно, но если его нет, то нет и личности, нет того самого Человека с большой буквы, за которого все мы ратуем. Человек с высокоразвитым чувством самоуважения создает вокруг себя определенное биополе, атмосферу корректной подтянутости, невозможности мельчить, распродавать принципы оптом и в розницу. Видимо, во всех нас такого самоуважения недостаточно, если мы, к примеру, разрешаем время от времени вновь и вновь выносить на публичное обсуждение детали интимной жизни Пушкина. С одной стороны, мы все соглашаемся с тем, что Пушкин — святыня, а с другой... Для чего понадобился балет, поставленный в нашем, ленинградском театре, где есть сцена — Дантес несет на руках Наталью Николаевну к карете?

С.— В конце концов, прикрываясь разговорами о демократизации подходов к культуре, о новаторстве, можно написать оперетту, героем которой будет Александр Сергеевич Пушкин. Немного дерзости, немного наглости — почему бы и нет? Но это граничило бы с кощунством. Балет «Пушкин» написан популярным композитором Андреем Петровым. К его творчеству можно относиться по-разному. Но сейчас мы говорим о факте. Появление этого балета не дает возможности избавиться от чувства неловкости. Дело в том, что пикантные подробности жизни великих людей всегда смаковали обыватели: смотрите, мол, он ничем не лучше

нас с вами и в семье у него был непорядок... Личная жизнь была трагичной у Пушкина и Моцарта, у Толстого и Байрона, у Верди и Маяковского, у Есенина и Стендаля, как можно догадаться, у Данте и Шекспира... Как сыскать подругу жизни гению? Вопрос вопросов. А Пушкин выбрал себе в жены не домовитую хозяйку, не практичную и разумную женщину, а Музу. Могут возразить, что Наталья Николаевна была не чужда хозяйству и домоводству. Но нам сейчас важно иное: как видел ее сам Пушкин.

Л.— Безусловно, Музой. Ее он увидел или захотел увидеть в Наталье Николаевне. Это свободный суверенный выбор поэта, с чем мы, его потомки и ученики, не можем не считаться.

С.— Но при всем при том вопрос этот крайне сложен. Иной раз я теряюсь, когда речь заходит о личной жизни Пушкина. Да, интерес к ней велик. Но ведь и интерес к самому Пушкину огромен. Нас удивляет, ошеломляет и восхищает объемность, всесторонность его личности. Порою кажется, что в нем уживались мудрость и легкомыслие. И современникам трудно было Пушкина понять, и нам он оставил немало загадок, которые будоражат воображение, притягивают и привораживают... Может быть, это не всегда нездоровый интерес...

Л.— Тут вы противоречите самому себе. Мы только что сошлись на том, что Пушкин видел Наталью Николаевну Музой. На дуэли он защищал свою Музу и свою поэзию. Я немало думал над этим. Если бы он не вышел на дуэль, уклонился от нее, вся его поэзия виделась бы потомкам иначе.

С.— Но творчество Пушкина не стало бы от

этого ни лучше, ни хуже... Оно — объективная ценность...

Л.— Я сказал, что сама поэзия виделась бы и современникам и потомкам иначе. Образ поэта изменился бы.

С.— Хорошо, попробую рассказать о своих сомнениях подробнее. Однажды я написал статью, в которой попытался обосновать это. Статью опубликовали в одном из центральных журналов. Отклики были разные. Среди них и раздраженные. Например, Г. Дычко из Днепропетровска писал: «Концепция статьи Н. Самвеляна проще пареной репы: гений Пушкин — светило русского общества и чужестранец, злодей-убийца Дантес... Между убийством вообще и убийством в поединке на дуэли — колоссальная нравственная разница. Когда двое мужчин становились к барьеру, они признавали тем самым свое равенство, в том числе равенство на жизнь и смерть. Вспомним, вызов на дуэль послал Пушкин, и по нормам дворянской этики отказ Дантеса посчитали бы безнравственным... Но у Н. Самвеляна (да только ли у него!) одна нравственная мерка по отношению к талантам и тем более гениям, другая — к простым смертным. Как тут не вспомнить героев Достоевского с их гнусенькой мыслью, что сильному человеку все позволено... Убит Пушкин — мы клеймим убийцу Дантеса, был бы убит Дантес — возможно, что и имя его затерялось на задворках истории: мы бы порадовались тому, что Пушкин отомстил клеветникам, погоревали бы над жестокостью наказания — видимо, его снова бы сослали в Михайловское... Почему Пушкин мог, а Дантес не мог искренне полюбить Наталью Николаевну? Почему не допустить ответные ее чувства? И при

чем тут свет, использовавший эти чувства для насмешек над поэтом? В чувствах все равны, тем более что Дантес, блестящий красавец офицер, имел в глазах женщин свои преимущества перед Пушкиным».

Это лишь цитата из письма. Оно большое и весьма темпераментное. Не хотелось бы спорить о мелочах, например, о том, что сам факт выхода на дуэль не означал равенства. Кто есть кто — определялось только благородством. А оно проявлялось в ходе самой дуэли. Пушкин не стрелял первым. Это очень важно.

Л.— Что же вы ответили на письмо?

С.— Ничего не ответил. Но упомянул об этом письме в печати. И вновь Г. Дычко откликнулся, настаивал на том, что его неверно поняли. Рад, если это так. Но коль скоро речь вновь зашла о Дантесе, то я его вижу вовсе не «блестящим красавцем офицером», который «имеет свои преимущества в глазах женщин». Уверен, что в этом случае речь нужно вести о сложном комплексе зависти, стремлении как бы поставить «зарвавшегося» Пушкина на место, поскольку тот «возомнил» себя пророком. Здесь надо говорить о сложном клубке недобрых чувств... И суд над убийцами Пушкина, орудием которых стал Дантес, будет идти вечно, с приходом в жизнь каждого нового поколения. Никакие амнистии здесь невозможны, никакие смягчающие вину обстоятельства не признаются.

Л.— Тут нужно подумать, Николай Григорьевич, вот о чем... Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко — украинской, Шекспир — английской, Данте — итальянской, Сервантес — испанской? Если бы пришлось опреде-

лять день Праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось!

В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен художников не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Л. Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов и без Лескова, без Есенина, без Горького... Но Пушкин — гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин — это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали, в радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

Наконец, Пушкин — величайший преобразователь лучших человеческих чувств. В дружбе он создал идеал возвышенной лицейской дружбы, в любви — возвышенный идеал отношения к женщине — Музе («Я помню чудное мгновенье...»). Он создал возвышенный идеал самой печали. Три слова — «печаль моя светла» — способны утешить тысячи и тысячи людей. Он создал поэтически-мудрое отношение к смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Он открыл возвышенное значение памяти и воспоминаний. Поэзия его полна высоких воспоминаний молодости. Воспоминания молодости сливаются с памятью русской

истории. Никто из поэтов не посвящал русскому прошлому столько произведений — и эпических, и драматических, и лирических в стихах, и лирических в прозе. Именно в воспоминаниях у Пушкина родится притягательный горький опыт прошлого и мудрое объяснение настоящего. Он создал основные живые человеческие образы русской истории — Бориса Годунова, Петра, Пугачева... Он создал их, как бы угадав в них основную коллизию русского исторического прошлого: народ и царь-деспот. Он дал основное направление русскому роману XIX века — «усадебному роману», как бы распределив в нем основные роли: Онегин и Татьяна — это своего рода конфликтные центры, которые мы найдем у Гончарова, Тургенева и многих других русских классиков.

С.— Но кроме того, Пушкин сумел настоять на том, чтобы стремились к пониманию культур других народов. В чем-то он был еще и просветителем...

Л.— Скажем так: Пушкин в кратчайшей и выразительнейшей форме воплотил основные достижения поэзии мировой. Дал как бы символы наивысших достижений мировой литературы: «К Овидию», «Из Катулла», «Подражание Корану», «Суровый Дант не презирал сонета...», «Из Гафиза», «К переводу Илиады», «Из Анакреона», «Подражание арабскому», «Отцы-пустынники и жены непорочны...», «Песни западных славян» и гениальные по проникновению в самую суть художественных произведений «Сцена из Фауста», «Каменный гость» и многое другое. Не случайно он считал Россию «судилищем» европейской культуры — ее истолковательницей... и ценительницей... Возвы-

шение духа — вот что характеризует больше всего поэзию Пушкина.

С.— Но иной раз, понимая это, люди сознательно или несознательно — видимо, в каждом случае по-разному — пытаются с настойчивостью и удивляющей, и удручающей доказывать, что Пушкин «такой же, как все». Будто бы он сам когда-либо доказывал обратное! Он ведь был на редкость демократичен и терпим. Хотя, думаю, перед Пушкиным часто стояла такая же дилемма, как перед Бенджамином Франклином: «Заставить глупца замолчать — невежливо, разрешить ему говорить — жестоко». Эта черта пушкинской природы особенно ярко прослеживается в эпиграммах и заметках, в которых он не давал спуску невеждам и глупцам.

Л.— Могут спросить, как величие Пушкина согласуется с тем, что порой он сам мог быть «ничтожен» среди ничтожных. Он сам писал в стихотворении «Поэт»: «...и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Всегда ли в собственной жизни он был возвышен? Не нужно спрашивать. Это не должно нас интересовать. Цветы растут, и они прекрасны. Разве должны мы пачкать их огородной землей? Он сам творил свой человеческий образ, заботился о его простоте и обыденности. Этого не следует забывать. Он хотел быть «как все». Более того, если бы Пушкин оказался застегнут в редингот проповедника на все пуговицы и крючки, уверен, его поэзия лишилась бы известной доли своей притягательности. Поэт в какой-то мере должен быть «ничтожен» в жизни, чтобы поэзия его приобрела подлинное обаяние возвышенности. Как человек, он не мог ходить на котурнах, ибо это создало бы не-

преодолимую дистанцию между ним и нами. Он играл в наши игры, чтобы суметь завладеть нами в чем-то самом значительном. Творчество всегда преображение, всегда рождение из сора (напомню ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»). На чистом мраморе не растут цветы. И «обыкновенность» Пушкина — человека среди обыденности других людей — другое, таинственное, носящее печать вневременности.

С.— Другими словами, Дмитрий Сергеевич, отношение к Пушкину должно быть особым?

Л.— Да, особым. Нам необходимо хоть немного пройти вместе с Пушкиным по путям, оставленным им для нас в своей поэзии. Он служит нам и в любви, и в горести, и в дружбе, и в думах о смерти, и в воспоминаниях. Это первый поэт, который открывается нам в детстве и остается с нами до смерти. «Пушкин — это наше все», — сказал о нем Аполлон Григорьев. И он был прав, потому что преобразующая и возвышающая сила поэзии Пушкина находит нас во все ответственные моменты нашей жизни. Я настаиваю на том, что ни у кого нет права покушаться на дело жизни поэта, его Музу... Скажут, что Дантес не понимал масштаба личности Пушкина. Скорее всего. Но что это меняет? Вандал не понимает, что он разрушает памятник архитектуры. А среди фашистов были и такие, которые искренне верили, что будет лучше, если уничтожить славянские народы и их культуру.

С.— Когда вы говорите о фашистах, Дмитрий Сергеевич, то имеете в виду нацистов?

Л.— Разумеется. А чем, Николай Григорьевич, вызван этот уточняющий вопрос?

С.— Наверное, тем, что фашизм — явление сложное. Был итальянский фашизм, немецкий нацизм, сегодня в различных странах процветает неонацизм. В некоторых странах, к счастью, не очень крупных, он стал государственной идеологией. В других борется за право быть таковой. Он умело маскируется. Некогда, в той же Германии, миллионы людей удалось одурманить национал-социалистскими лозунгами. Присутствовали и спекулятивное использование социалистических идей, и расизм.

Л.— Да, я имею в виду национал-социалистов. Кого же можно иметь в виду, кроме них, если речь идет о последней мировой войне?

С.— Так случилось, Дмитрий Сергеевич, что я много лет занимаюсь исследованием обстоятельств вывоза с временно оккупированных немецкими фашистами территорий художественных ценностей, принадлежавших польскому, русскому, украинскому народам. Может быть, потому, что одним из моих педагогов, одним из учителей был польский писатель и ученый Эдвард Воронецкий. О нем я еще обязательно расскажу подробнее. Сейчас важно другое. Однажды мы с Эдвардом Воронецким перечитывали случайно попавшие нам в руки письма немецких офицеров, датированные 1941—1943 годами. Содержание одного из них потрясло и навсегда запомнилось. Это была дикая по своей сущности, изуверская жалоба на то, что все славянские народы можно уничтожить, но это ничего не решит, хотя технически, как считал офицер, такое выполнимо. Нужно лишь побольше пулеметов, танков и газовых камер. Но вот какая мысль не давала покоя автору письма: как быть с мазурками Шопена, стихами

Пушкина и Мицкевича. Их не уничтожить пушками, не задушить в газовых камерах. Значит, будут люди, которые захотят их слушать и читать, а следовательно, возродятся и славяне, коль скоро не изведена, не вытравлена из коллективного сознания человечества их культура. Но показательно, что среди идеологов национал-социалистов не было широко и свободно думающих людей. Все они какие-то закомплексованные, мелкие, тщеславные... Подобная мелочность и тщеславие прослеживаются и в характере Дантеса. Вспомните его беседу с французским пушкинистом, принявшим псевдоним Онегина. В ней Дантес настаивал на том, что он в конце концов стал сенатором. То есть какой-то поэт, и даже не французский, а всего лишь славянский, рисковал убить будущего сенатора.

Л.— Куда важнее чувства и горе миллионов других людей, понимающих, что убили их национального поэта. В конце концов у преступников, которых судил международный трибунал в Нюрнберге, тоже были семьи, дети, чувства... Они тоже имели право на жизнь, на сострадание. Но лишь до того момента, пока не покусились на священные права и чувства других людей...

От принципов здесь отступать нельзя, вне зависимости от того, какими хитрыми обоснованиями это отступление ни прикрывалось бы. И даже самая попытка прямо или косвенно сопоставить чувства Дантеса и Пушкина каждому из нас оскорбительна. И самоуважение требует во всех случаях, когда дело касается чести Пушкина, то есть чести каждого из нас, решительно давать отпор посягательствам на нее. Если это бой через столетия, все равно надо его вести

до победы. Человечество не простило римлянам убийства Архимеда, хотя воин, занесший меч над головой ученого, вряд ли понимал, кто перед ним.

Вечный суд в защиту Архимеда — тоже явление неизбежное.

Повторяю: если бы Пушкин не вышел на дуэль защищать свою Музу, честь своей поэзии, его поэзия в глазах потомков могла бы потерпеть урон. В этой мысли нет ничего странного. Образ поэта весьма важен для правильного восприятия его поэзии.

С.— Кстати, есть сведения, что за честь Пушкина, за его Музу хотел вступиться Адам Мицкевич и искал Дантеса, чтобы послать ему вызов на дуэль. В некоторых газетах промелькнули об этом сообщения. В минувшем веке писали об этом и первые биографы Пушкина. Заметим в скобках, что на грани дуэли были Дантес и Виктор Гюго. Вне зависимости от того, удалось ли подтвердить эти сведения документально или не удалось, важно и симптоматично то, что легенды эти возникли. Напомню и о судьбе родной дочери Дантеса Леонии-Шарлотты, которая не простила отцу дуэли с Пушкиным. Этот конфликт в семье оказался в конце концов далеко не семейным. Жаль, что о Леонии-Шарлотте нет кинофильма, пьесы, поэмы — того, что увековечило бы нравственный подвиг этой женщины и лишний раз напомнило бы всем — никто из честных людей не разрешил бы себе забыть о покушении на Музу поэта и не простил Дантесу и дантесам ничего.

Л.— С грустью я листал недавние юбилейные номера наших журналов, посвященных Пушкину. Опять смакование подробностей частной жизни

поэта. Авторы разные, а статьи похожи друг на друга, как инкубаторские цыплята. Пушкин — Наталья Николаевна — Дантес... И опять о том же!

С.— Обидно, что так происходит.

Л.— Очень обидно.

С.— Такое уйдет из жизни, видимо, только с ростом общей культуры общества.

Л.— Но о последних месяцах жизни Пушкина можно писать благородно. Так написана последняя книга С. А. Абрамович.

С.— И еще об одном — Пушкин не был агрессивен. Он не мог быть агрессивным. Гений всегда добр. Именно Пушкину принадлежат слова: «Гений и злодейство несовместны». И вовсе не равные соперники стояли на снегу в тот вечер. Посредственность стреляла в гения.

Л.— Посредственность всегда агрессивна по отношению к таланту. Знаменитый и хорошо исследованный комплекс неполноценности. Я никогда не верил в то, что бездарности, мелкие и тщеславные люди в глубине души, где-то там, в дальних тайниках ее, не осознают своей ущербности. В этом — один из истоков фашизма, то, о чем мы уже говорили. В драме «Моцарт и Сальери» тоже очень четко прослежено, почему таланты всегда под угрозой атаки. В новое издание книги «Письма о добром и прекрасном» хочу включить письмо о зависти. Там будет сказано примерно следующее: если человек установил мировой рекорд в поднятии тяжести, ему вряд ли кто-либо завидует. Скорее — восторгаются. Начните в уме перечислять все, чему вы можете позавидовать, и выяснится, что чем ближе чей-то успех или достижение к вашей работе, к вашей специальности, жизни, тем сильнее и близость зависти. Ужасное чувство,

от которого страдает прежде всего тот, кто завидует. Единственный способ избавиться от него — развивать собственные индивидуальные склонности, свою собственную неповторимость в окружающем мире. Зависть развивается прежде всего там, где вы не отличаете себя от других. Завидуете — значит, не нашли себя...

С.— Зависть — причина многих трагедий в мире. Зачастую с нее начинаются вероломство, предательство... Не менее сложное чувство, чем зависть,— обида.

Л.— Верно. Излишняя обидчивость тоже признак какой-то «закомплексованности». Есть хорошее английское правило: обижаться только тогда, когда вас хотят обидеть, то есть обижают преднамеренно. Ну, а если хотят обидеть? Прежде чем отвечать на обиду обидным же действием, есть смысл подумать: следует ли опускаться? Ведь обида лежит где-то низко, нужно наклоняться, чтобы ее поднять. Если уж решили обидеться, то прежде произведите в уме некое математическое действие — вычитание, деление... Поясню: допустим, вас оскорбили за то, в чем вы только отчасти виноваты. Вычитайте из вашего чувства обиды все, что к вам не относится. Если предположить, что вас обидели случайно, из побуждений благородных,— произведите деление вашего чувства обиды на чувства и побуждения принципиальные и благородные, вызвавшие оскорбительное замечание... Произведя в уме эти нужные «математические операции», вы сможете ответить на обиду с большим достоинством, которое будет тем эффектнее и выше, чем меньшее значение вы придадите обиде... До известных пределов, конечно...

С.— Но бывают ситуации, Дмитрий Сергеевич, в

которых разобраться сложнее. Мне долгие годы довелось заниматься Иваном Федоровым. Вы знаете об этом. Несколько лет назад на киностудии имени Горького мне предложили поработать над фильмом по моему роману об Иване Федорове — «Московский таинственный посол». Возник и сценарист, который ничего не знал об Иване Федорове, но тут же согласился писать сценарий при условии, что Иван Федоров будет наделен нужными для убедительности образа пороками, недостатками и перестанет быть «таинственным посланцем добра», ибо, как считал тот «специалист», искреннее служение идее должно вызывать подозрение зрителей. Это, дескать, несправедливо и правдивым быть не может. С киностудией фильм не состоялся. Но тот же сценарист, нарушая все принятые нормы, перебежал с заявкой на телевидение. Теперь нависла телевизионная угроза над Иваном Федоровым, образ которого уж столько раз так пытались исказить, «приземлить», примитивизировать, что затем нужны были гигантские усилия многих для того, чтобы вновь разъяснить роль и значение этого выдающегося человека в нашей истории, да и в истории всех восточнославянских народов.

Л.— Ну, в этом случае обязанность вступить за Ивана Федорова в значительной степени падает на вас, хотя, уверен, вы не будете одиноки в требовании отнестись к памяти просветителя с должным уважением. Личные амбиции, обиды здесь ни при чем. Речь идет о принципе. Открытый спор — великое дело. Видимо, здесь на спор придется идти.

Терпеливо объяснять, что сценаристом в этом случае двигали, возможно, чувства узколичные. Не стремление «послужить» памяти Федорова, а желание любой ценой поставить фильм, на

который бы обратили внимание и похвалили бы его лично.

С.— Здесь столкнулись два принципиально разных подхода к делу.

Л.— Значит, надо отстаивать свой.

С.— Хотя сделать это будет нелегко.

Л.— Любое принципиальное действие нелегкое. Оно требует мужества. Но память об Иване Федорове — священна. С его образом нужно обращаться бережно. Кстати, в вашем романе «Московии таинственный посол» есть «болгарская линия» — болгары приезжают во Львов, чтобы помочь Федорову организовать большую типографию, что в ту пору было важно для всей Восточной Европы. Может быть, такого приезда во Львов болгар в тот год и не было. Но право писателя предположить, что такое могло случиться. Ведь не исключено, что Федоров бывал в Болгарии и Греции. Есть такие предположения.

С.— Известно, что по «Азбуке», изданной Федоровым, дети в Болгарии и Валахии учились почти триста лет. Удивительное долголетие учебника!

Л.— Иван Федоров опубликовал жизнеописание Кирилла и Мефодия — великих славянских просветителей, сыгравших не только в истории Болгарии, но и в истории всего славянского мира выдающуюся роль. Как-то я уже говорил, что если плоть Болгарского государства создал Аспарух, его дух — Кирилл и Мефодий, и это государство духа, в котором сомкнутым строем стояли за болгарский народ язык, письменность и литература, не смогли победить чужеземные захватчики. Связи Ивана Федорова с болгарскими культурными традициями несомненно существовали и были серьезнее, чем мы сегодня можем себе представить.

С.— Кирилл и Мефодий — Иван Федоров — Пушкин... Никого из них мы не только не вправе забывать, но хоть на секунду упустить из культурной памяти.

Л.— О месте и роли Кирилла и Мефодия и Ивана Федорова в истории всего славянского мира нужно говорить особо. Важно, чтобы это и в будущем фильме прозвучало.

С.— Получается — предстоит схватка.

Л.— Но столкновение мнений, споры, схватки нужны обязательно. Без них не отстоять ни право на самоуважение, ни высокий животворный уровень культурной памяти, когда прошлое передает будущему лучшее в надежде, что это лучшее будет оценено и правильно понято. Без уважения к минувшему, к нашим истокам, к тому фундаменту, на котором выстроена сегодняшняя гомосфера, невозможно и движение вперед, невозможен прогресс широкий и глубинный. Без уважения к жизни, труду наших предков, предшественников невозможно и уважение к себе самим. Коль скоро мы говорили о Пушкине и о стиле реконструкции старинных городов, то было бы правильно подумать о создании в Москве Пушкинского парка — от памятника Пушкину до Пушкинского музея на Кропоткинской улице. Это должен быть не совсем обычный парк — романтический и интеллектуальный, парк, несущий людям знания и возвышающий их думы. Своеобразный музей под открытым небом.

С.— Но это должен быть музей, так сказать, живой. Музей не музейного типа. Меня поразило, с какой любовью ставят памятники Сервантесу и его героям в испаноязычных странах. Об этом писали еще во времена Маяковского. Рядом

с памятником или скульптурой ставили скамеечки, были и закрытые полки, на которых стояли книги Сервантеса. Причем общественное мнение настояло на святом, бережном отношении к этим книгам. Эти маленькие открытые библиотечки люди сами пополняли. Я не предлагаю слепо заимствовать опыт. Важно найти свое собственное, но доброе, теплое отношение к дорогим нам памятным местам. Отношение это должно быть живым.

Л.— Конечно. Иное и не нужно.

С.— Вот и подошел к концу наш вечер.

Л.— Простимся с ним. Разговор был принципиальным. Отношение к святыням, к памяти дорогих нам людей — одна из нравственных основ личности.

С.— А общество и состоит из множества личностей.

Л.— В котором мнение и позиция каждой — очень важно.

С.— Конечно. До завтра.

Л.— До завтра.

Вечер четвертый

С.— А теперь, Дмитрий Сергеевич, хотелось бы затронуть некоторые вопросы, которых, кстати говоря, немало. Пусть это будет своеобразная «мозаика». Короткий вопрос — короткий ответ.

Л.— Ну что ж, я готов и к «мозаике», как вы ее назвали. Жду вопроса.

С.— Что вы считаете главным, Дмитрий Сергеевич, для того, чтобы не прервалась связь времен, чтобы никогда не угасали культурные традиции, не приходилось позднее жалеть о том, что утрачено безвозвратно?

Л.— Расширение гласности — пресса, литература, увеличение прав и значимости общественных организаций. Это все совершенно обязательно. Но нужна не только критика... Нужны и положительные примеры. Если человек сделал доброе дело, он должен быть замечен и отмечен, вне зависимости от того, нравится кому-то его характер или не нравится, то есть перешагивая через элементы субъективной оценки.

С.— Подвергать сомнению искренность доброго поступка стало особенностью поведения некоторых людей — как правило, завистливых и недобрых. Я говорю о попытках настойчиво выяснять, почему совершено то или иное хорошее дело. С какой дальней целью? Об этом психологическом феномене еще скажу позднее. И о том, нет ли необходимости ввести жесткие рамки общественного поведения, которые запрещают вводить субъективизм в оценки тех или иных явлений. Сейчас хотелось бы в «мозаике» сказать вот о чем. В

недавние времена, и будем верить, что это вскоре изменится, молодые писатели, актеры, художники слишком долго ждали общественного признания. Не связано ли это с тем, что у нас все еще нет пусть символических, но Пушкинских и Лермонтовских премий для поэтов? Причем, почему бы для присуждения этих премий не создавать избираемые на какой-то срок жюри? Почему не учитывать читательские отклики и мнения? А разве лишним был бы Шаляпинский конкурс для молодых басов? Премия Левитана для художников? Не устану говорить, что нет литературной премии Ивана Федорова. Правда, существуют награды, учрежденные Госкомиздатом СССР, которые присуждают за лучшее оформление книги. Это радует. Но, мне кажется, все равно нужна еще и литературная премия. Нельзя забывать, что, кроме всех прочих заслуг, была у Ивана Федорова еще одна, и немалая,— он писал. Литературная премия его имени никак не была бы лишней. И во всех случаях присуждения этих премий желательна обратная связь: учет мнения читателей, слушателей, зрителей.

Л.— Обратная связь обязательна. Одна из форм ее — общественные советы, другие формы общественных организаций. Об этом мы говорили. В литературе молодым трудно. И здесь нужны какие-то организационные формы: журналы и конкурсы для молодых. Но особенно сложно обстоит дело в изобразительном искусстве. Тут нельзя ограничиваться признанием только реализма в устоявшемся в последнее время узком его понимании.

С.— Вот об этом, порою слишком узком понимании реализма, мне и хотелось бы поговорить подробнее. В «Энциклопедическом словаре» 1980

года издания, на странице 1119 написано, что «реализм — понятие, характеризующее познавательную функцию искусства: правдивое объективное отображение действительности; правда жизни, воплощенная специфическими средствами различных видов искусства. Мера реалистичности произведения определяет мера проникновения в реальность, глубина и полнота ее художественного познания». Другими словами, нигде не сказано и не могло быть сказано, что право называться единственно реалистическим может присвоить себе одно из художественных течений.

Л.— Конечно. Мера глубокого проникновения в реальность может быть достигнута различными способами и приемами. Если признать за изобразительным искусством лишь право фотографичности в той или иной мере, то мы вынуждены будем отказаться от китайского искусства, от искусства мусульманских стран, от нашего русского народного искусства, от многих деятелей отечественного искусства первой трети нашего века, которое оказало огромное влияние на развитие живописи и графики во всем мире. Такое было бы трагично и обеднило бы наш духовный мир. Реализм — это вечный срединный «царский путь» искусства, но некоторые отклонения от него, от этого пути, законны. Но причем уклонения в сторону натурализма, упрощенчества, как правило, не вызывают возражений, а даже незначительные отклонения в сторону усложнения часто порождают и раздражение, и резкие споры. В свое время вызвало возражение даже направление «Мира искусства»...

С.— А нет ли во всем этом, Дмитрий Сергеевич, попыток навязать изобразительному искусству

однообразии, мертвенную каноничность, рядом с которой нет места подлинному искусству? Конечно, речь идет не о тайных сходах, не о выработке программ с целью загубить яркое, острое, талантливое, неожиданное в изобразительном искусстве. Вовсе нет. Общая грамотность, мастеровитость большинства художников растет. Именно мастеровитость, а не мастерство. Таких художников, а также людей «при должности», в той или иной мере влияющих на развитие изобразительного искусства, много. Очень часто все они уверены, что обладают истиной в конечной инстанции. Между тем талант — всегда явление оригинальное, нарушающее устоявшиеся стереотипы, иной раз даже пугающее. Вспомним известные строки: «Большой талант всегда тревожит, и жаром головы кружа, не на мятеж похож, быть может, а на начало мятежа». Ну, а Герцен говорил, что один из признаков таланта — наличие «безумной неправильности». Но эта «неправильность» пугает ортодоксов, зачастую слепо и яростно борющихся против экспериментов, поисков, дерзаний.

Л.— Конечно, мы должны отстаивать право на поиск, дерзание. Кто — «мы»? Да каждый, кто понимает, что развитие изобразительного искусства — процесс очень сложный, не поддающийся примитивному или скороспелому анализу. Вспомним наклеивание пресловутых «ярлыков», избыточную бойкость, замешанную на самомнении... Мы должны уважать право художника на эксперимент. Всегда помнить о том, что многие эксперименты позднее становились великими и плодотворными традициями.

Вот, например, знаменитые «квадраты» Кази-

мира Малевича. Малевич был великолепным живописцем. Он мог писать и как реалист, и как импрессионист. Он создавал свой портрет в стиле Рембрандта. Умел писать в разных планах. Это был виртуоз живописи. Но он писал и прямоугольники: желтый — на белом, допустим, черный — на красном и так далее. Это было экспериментом. Проверка того, как соотносятся краски, как соотносятся формы, попытка создания своего рода живописного алфавита. Его знаменитые «квадраты» вовсе не были предназначены для того, чтобы висеть в качестве шедевра в художественном музее. Малевич писал их в качестве эксперимента. Кстати сказать, никто не замечает, что эти «квадраты» он иногда делал неправильными. Скажем, делал один угол прямой, два угла тупые, а один — острый — чтобы заставить «квадрат» двигаться. Это восходит к очень давним традициям русской иконы. Я видел иконы XVI века, сделанные «по правилам Малевича», — немного трапециевидной формы. В частности, икона, известная как «Овиновская Божья мать».

С.— Но ведь Малевич писал на холстах, уже вставленных в рамы. Следовательно, это действительно эксперимент, а не случайность.

Л.— Да, это не случайность. Он думал о том, какое впечатление это произведет на зрителей. Или, скажем, Чупятов. Тоже художник-экспериментатор. Он иногда писал на досках. Причем на толстых досках. Тициан писал «Венеру перед зеркалом» очень тонким слоем на холсте. Это был эксперимент — с тем чтобы играл холст. Эксперимент удавшийся. Фон получился дрожащий, очень интересный. Новаторство. Портреты на доске — тоже из ряда экспериментов. В живописи экспери-

мент законен. В других видах искусства — тоже. Естественно, и в литературе. Особенно — в поэзии. Вот, скажем, Хлебников. Он по сути своей экспериментатор. Я бы даже назвал его научным работником. Он все время экспериментировал. Его произведения должны стоять на книжных полках у поэтов в первом ряду.

С.— И, может быть, у людей, которые профессионально изучают поэзию.

Л.— Еще об одном. Я писал об этом в «Заметках о русском». Уважение к своей культуре обязательно для каждого грамотного человека, но так же обязательно уважение и к культуре других народов. Нельзя уважать себя, не уважая соседа, нельзя уважать соседа, не уважая себя. Когда писатель, художник становится националистом, это не просто плохо. Это ужасно и опасно. Все виды национализма антигуманны, страшны и порождают неконтролируемые последствия. В «Заметках о русском» делается попытка обратить внимание на некоторые черты русского характера, на которые в последнее время как-то не принято обращать внимание: на доброту, открытость, терпимость, отсутствие национального чванства и пр. Читатель вправе спросить, а куда ж девались в «Заметках» отрицательные черты русского человека? Разве русским свойственны одни только положительные черты, а другие народы их лишены? На последний вопрос читатель при желании найдет ответ в самих «Заметках»: я говорю в них не только о русском народе... А что касается русских недостатков, то я вовсе не считаю русский народ их лишенным: напротив, их у него много, но... Можем ли мы характеризовать народ по его недостаткам? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только

высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами, лучшими видами, «городскими ландшафтами». Иное дело, когда мы знакомимся с отдельными людьми.

А о народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Благожелательность к любому народу, самому малочисленному! Эта позиция самая верная, самая благородная. Вообще говоря, любая недоброжелательность всегда воздвигает стену непонимания. Благожелательность, напротив, открывает пути правильного познания.

Самолет не падает на землю не потому, что он крыльями «опирается на воздух», а потому, что он подсасывается кверху, к небу...

В народе самое важное — его идеалы.

С.— Надо уметь понимать других. Взаимное уважение и терпимость — качества, обязательные для цивилизованного человека.

История постоянно учит нас этому. Культурный изоляционизм еще никогда никому не приносил добра. Помню ваши слова из «Заметок о русском». Хочу процитировать кое-что по памяти... Вот, например: «О с о з н а н н а я любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим». Насколько помню, слово «осознанная» дано вразрядку?

Л.— Да, ибо это важно. Неосознанная любовь часто слепа, а следовательно, объективно может быть и вредной.

С.— Далее... «Поэтому ненависть к другим

народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценностей своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, а к т и в н о миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям...» Насколько помнится, слово «активно» тоже подчеркнуто.

Л.— Потому что пассивное миролюбие — это не миролюбие, а безразличие чаще всего. И далее я писал: «Национализм — это проявление слабости нации, а не силы ее. Заражаются национализмом по большей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии. Но всякий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, о б я з а н быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ д о л ж е н помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру». И далее: «Необязательно сильный народ многочислен, а слабый малочислен. Дело не в числе людей, принадлежащих к данному народу, а в уважении и в стойкости его национальных традиций».

С.— Если такая уверенность существует, нет необходимости ее судорожно и всеми средствами защищать. И еще одно: надо уметь понимать других, чтобы понять и себя самого.

Л.— Наконец, взаимоуважение и терпимость — качества, обязательные для цивилизованного человека. А нецивилизованный человек просто не в состоянии понять, что такое культура. Он вне

ее контекста. Достоинство человеческого интеллекта, на мой взгляд, в том, что он может как бы переселиться на время в совершенно другую психологию — национальную, да и не только национальную... Ну, скажем, Лев Толстой, мужчина, великолепно описал женщину Анну Каренину, со всеми особенностями женской психологии. Можно описывать преступника Раскольникова, не будучи преступником. Человеческий интеллект способен понять и воспринять то, чем он сам не является. Свойство, которому не перестаешь удивляться. Между тем не очень далекие читатели, а иной раз столь недалекие критики и литературоведы думают, будто художник сам должен пройти этот опыт, чтобы его описать.

С.— Стать чуть ли не соучастником преступления.

Л.— Да, как это ни странно, иной раз думают именно так. Или, скажем, если написано стихотворение на тему любви, во всех ли случаях имеет значение, кому оно обращено?

С.— Духу Лауры.

Л.— Вот именно: духу Лауры. Самый убедительный и исчерпывающий ответ. Продолжаю тему, о которой только что говорили: надо уметь учитывать, входить в культуру других национальностей. За «китайской стеной» никакая культура не может быть великой. Великая культура рождается только в процессе соединения, взаимовлияния, в столкновении с культурами других народов. И русская культура замечательна еще и потому, что она была соединена с культурами южными — Византии, Малой Азии, Кавказа, Балкан, культурами западными, культурами северными — Скандинавии, финно-угорскими, восточными и тюркскими... Рус-

ская культура и стала потому великой, что была терпимой, сумела вобрать в себя опыт соседей, обогатилась им. Потому в русской культуре и есть одна особенность, которую я очень ценю,— это ее всесветность, всемирность. Это то, что заметил в Пушкине Достоевский. Он мог бы еще это заметить и в древнерусской литературе, если бы в его времена Древняя Русь была бы известна лучше. Но об этом писал и сам Пушкин в заметке об «Истории поэзии» С. П. Шевырева: «Россия по своему положению, географическому, политическому etc есть судилище, приказ Европы.— Nous sommes les grands juges. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны...» И сам Пушкин дал тому примеры в своих поэтических откликах на поэзию всего мира: Гафиза, Гете, Шенье, Сафо, песни западных славян, Катулла, Гомера, Ариосто и многих других. Это своеобразный анализ поэзии с помощью поэзии...

С.— Дмитрий Сергеевич, Достоевский говорил, например, что русская культура шире обычной национальной культуры. Вы тоже так считаете?

Л.— Да иначе и считать нельзя. Конечно, шире обычной национальной. Так же, как и некоторые другие культуры. Тут в пору вспомнить и о том, что болгарская культура, с Кириллом и Мефодием, создала язык межнациональный. Болгары могут гордиться тем, что Кирилл и Мефодий на основе староболгарского языка создали литературный язык, который был одинаково понятен всем южным и восточным славянам.

С.— И в свое время выдающиеся итальянские певцы Маттиа Баттистини и Энрико Карузо отметили, что им трудно петь в русских оперных пар-

тиях. Баттистини не понимал, что означает — «любовью брата, и может быть, еще нежней». Он спрашивал: сильнее брата он любит Татьяну или не сильнее? И только в третьем акте, в ариозо взрывался страстью. Яркая страсть — это Баттистини было понятно. А Карузо не соглашался с меланхолической задумчивостью Ленского, в которой таилось много тайной страсти. Он так и не спел на сцене эту партию, хотя и разучивал ее. И сам же признался: растерялся, запутался. И тут я рискну сказать: традиции итальянской оперы были столь сильны и так довели над певцом, что итальянские артисты, великолепные в родном репертуаре, неожиданно проигрывали, когда решались петь партии русского, немецкого или французского оперного репертуара. Эту их особенность подметил один из выдающихся знатоков вокала Лаури-Вольпи в своей книге «Вокальные параллели». Зато Собинов стал одним из лучших и самых корректных де Грие. Шаляпин открыл европейцам многие из их же опер.

Между прочим, это вообще особенность славянских вокалистов и сильная их сторона — умение проникать в психологию людей не своей национальности, не своей родной культуры. Причем делать это мастерски, как правило, обогащая образ новыми и неожиданными красками. Русский морской офицер, ставший певцом, Николай Фигнер, некогда потряс Италию «психологизмом» в итальянских же партиях. Как тут не вспомнить и Соломею Крушельницкую, которая пела на сценах Варшавы, Львова и в Италии. В конце минувшего и начале нынешнего века она была одной из лучших исполнительниц Гальки в «Гальке» С. Монюшко, Татьяны в «Евгении Онегине» П. Чайковского, Брунгильды в

«Тангейзере» Р. Вагнера. Она спасла от провала оперу Д. Пуччини «Чио-Чио-сан», заставив композитора в корне переписать оперу... Подверглась реконструкции и сама композиция оперы, но главное — возникли подлинные страдания молодой матери-японки, жертвующей собой ради любви к человеку чуждого племени — Пинкертону. Крушельницкая подсказала Пуччини использование на контрасте элементов и стилистики восточной музыки и европейской... И вообще, Соломея Крушельницкая была общеевропейским феноменом, прекрасная на всех сценах, даже там, где предпочитали лишь собственных певцов. Диапазон удивительный. С равным успехом в партиях русского и итальянского репертуара выступают выдающиеся болгарские басы Борис Христов и Николай Гяуров. Может быть, от широты и наднациональности и возникла возможность раскрываться так по-разному и мощно?

Л.— Да, поэтому. Умели брать все лучшее, что было в мире. Прекрасная книга, глубоко проникающая в культуру африканских, азиатских, южноамериканских народов, книга академика Н. И. Вавилова «Пять континентов». По жанру книга Николая Ивановича Вавилова принадлежит к широко распространенному жанру путешествий. В русской литературе он весьма распространен и имеет очень давние традиции. На рубеже XI и XII веков его открывает «Хождение в Святую Землю» игумена Даниила. Его продолжают многочисленные путешествия в ту же «Святую Землю», в Царьград (Константинополь), на Флорентийский собор. Вершина этого типа «хождений» — «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. За «Хождениями» следуют многочисленные описания

путешествий по дипломатическим делам — так называемые «статейные списки» русских послов, а в конце XVII и в начале XVIII века путешествия русских ученых и учеников, посылавшихся в западные страны Петром I.

В XVIII, XIX и XX веках в русской литературе возникает серия замечательных книг о путешествиях. Среди них выделяются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова, «Письма об Испании» В. П. Боткина. Уверен, что в число этих произведений войдет и «Пять континентов» Н. И. Вавилова при всей их незаконченности и утрате отдельных частей. Настоящие художественные драгоценности книги — необыкновенно выразительные характеристики встреченных Н. И. Вавиловым людей, связанных с теми или иными обстоятельствами его путешествий. Тут и проводники, и губернаторы, и купцы, и солдаты, и префекты полиции, и ученые, и обычные крестьяне. Если все это разнообразие общественных положений умножить на великое множество стран, посещенных им на пяти континентах, то получится наиболее полная из всех существующих характеристика людей Земного Шара.

С.— Уверен, Дмитрий Сергеевич, что со временем Гончарову в африканских странах будут ставить памятники. Ведь это именно Гончаров во «Фрегате «Паллада» твердо настаивал на необходимости предоставить независимость африканским народам. И вдвойне приятно, что вопрос этот поднял не англичанин, не голландец, давно там обосновавшийся, а русский. Может быть, поставят памятник и Беньовскому — человеку незаурядной судьбы, доброты и смелости, сосланному на Камчатку,

сумевшему бежать оттуда, чтобы позднее попытаться основать на Мадагаскаре в начале XIX века Государство Солнца.

Л.— Вот куда нас увела «мозаика» — в Африку. Но это интересно. Вот еще о чем следовало бы подумать... Авангардизм. Из-за того, что это течение то признается, то не признается, многие бездарные художники подделываются под авангард. Что довольно просто. Подделываться под авангардистов легче, чем под реалистов. Это факт. Рембрандта подделать трудно, да и, к примеру, нашего Серова — тоже.

С.— Необычайная техника нужна. Где ее взять?

Л.— Конечно. Но даже нашу Остроумову-Лебедеву подделать можно. И такие подделки существуют, хотя она и не авангардист, но есть такие художники, которых почему-то можно подделать. Не берусь судить, почему так успешно подделывают Остроумову-Лебедеву, но факт остается фактом — делается это успешно. Даже очень опытные люди порой не могли распознать подделку. А вот Серова не подделаешь! Никто не сумеет. И у авангардистов есть замечательные художники. И у фовистов — у всех. Скажем, Матисс. Рисунками Матисса я восхищаюсь. Так же, как рисунками Пикассо. Но среди авангардистов есть и лжехудожники. И среди реалистов они есть. Вызывают крайнее беспокойство попытки некоторых сегодняшних художников не поднимать публику до уровня высокого искусства, а угождать ей — это от жажды немедленной популярности, широчайшего признания, да к тому же любой ценой. Вспоминаются «Портрет» Гоголя и «Кукла» Лескова.

С.— Имитаторство и подражательность?

Л.— Да, имитаторство и подражательность. Еще — эксплуатация одного и того же приема. Например, расширенные глаза... Везде, повсюду — расширенные глаза...

С.— Тут опять много от того же хронологического провинциализма части публики, которая не в состоянии порою отличить подлинное произведение искусства от пустых подделок, от натужного модничания... Правда и другое — еще не так давно для многих вершиной, пиками изобразительного искусства были продававшиеся на базаре клеенки с лебедями, плывущими по серебряным озерам, или всадники, лихо скачущие не то мимо Кавказских гор, не то мимо Татр, не то мимо Альп, а может быть, даже мимо Кордильер...

Л.— Но такие картины-клеенки все же были как бы «вне закона». Их не вывешивали в музеях, их не демонстрировали в выставочных залах. Правда, теперь их разыскивают даже музеи. Но это уже по другим причинам — интересуется колорит ушедшей эпохи, ее конкретные детали...

С.— Да, это верно. Но воспитание художественного вкуса — дело сложное, требующее направленных усилий, времени и терпения...

Л.— Терпение и выдержка нужны всегда и во всем... Коль скоро сегодня у нас диалог-«мозаика», то разрешу себе затронуть еще одну тему, которая давно меня волнует, да, видимо, не только меня, — правила поведения в обществе, которые порою именуют «внешними правилами приличия», хотя совершенно непонятно, при чем здесь определение «внешние». Думаю, что люди должны обращаться друг к другу по имени и отчеству, как издавна было у нас заведено, и говорить друг другу «вы». Амикошонское «ты» или же всяческие «Петьки»,

«Ваньки» должны быть решительно изживаемы...

С.— Лично меня всегда устраивало устоявшееся польское обращение «пан» или «пани». Армяне говорят друг другу «брат» или «отец», если обращаются к старшему. Вежливость в общении — обязательна. Особенно при обращении «вышестоящих» к подчиненным, низшим по общественному положению. Формы ее, думается, должны учитывать исторические и национальные традиции...

Эстонцы называют друг друга только по имени, без отчества — так же, как многие другие народы. Но есть и правила поведения, совпадающие не только в разных странах, но даже и на разных континентах. И тут в пору бы задуматься вот над чем: почему такие правила возникли и какую прямую экономическую выгоду они несут обществу? Именно экономическую выгоду. Я не оговорился. Вот пример: нынешний мир наполнен телефонами. А говорить по ним зачастую не умеют. Звонят, кричат: «Алло! Кто говорит? Куда я звоню?» Начинаются препирательства, выяснения отношений — бог знает что! Между тем, учить правильному стилю разговора по телефону следовало бы еще в детском садике, а уж со школьных лет — обязательно. Позвонил — поздоровайся, назови себя, а затем уже начинай разговор. Особенно если звонишь в частный дом. В этом случае называть себя в самом начале разговора обязательно.

Не называть себя, а тем более уклоняться, если тебя напрямик попросили назвать себя, — хамство и элемент явного телефонного терроризма. В одном городе средней величины, в котором сейчас меньше миллиона жителей, в день раздается от 8 до 14 миллионов телефонных звонков. Две трети из них ведутся безграмотно. Так же, впрочем, как везде.

Средняя продолжительность каждого телефонного разговора 4 — 6 минут. Из-за неумения говорить одна треть разговора пуста и не нужна. Выходит, что прямые потери времени составляют около 20 миллионов минут. А разговаривающих всегда двое. Следовательно, уже не 20, а 40 миллионов минут. Выходит — около 600 000 человеко-часов. Потеряна энергия, которой хватило бы, чтобы построить такой оперный театр, которым вот уже почти сто лет гордится город. Другими словами, каждый день город теряет прекрасный театр. Пусть подсчет этот в чем-то неточен, условен, несовершенен. Делал его в свободное от работы время знакомый экономист. Но вздумайте, что же это такое: ведь речь идет о потерях только на телефонных разговорах в городе средней величины, каких на глобусе уже тьма-тьмушая. Значит, правила разговора по телефону нужно знать, изучать. Следовало бы специальные книги издавать на эту тему. Элементарные учебники. Тут в пору подключиться радио и телевидению, другим средствам массовой информации. Уверен, что с теми же телефонными разговорами положение можно исправить за один-два года. Но дело не только в них. А сколько теряем мы на некорректности поведения на службе, в транспорте, на улицах, в магазинах. Эти потери обходятся обществу дороже, чем бесхозяйственность в целой промышленной отрасли.

Л.— Неожиданный пример, Николай Григорьевич.

С.— Мог бы привести и другие, не менее неожиданные. Гигантской проблемой становятся правила поведения людей в семье, в квартире, в быту. Эмансипация женщин стала фактом. Никто против нее уже и не спорит. Но нового и четкого кодекса

поведения нет. Что, например, делать, если женщина скандальна, если она, настаивая на своем равенстве с мужчиной, с одной стороны, с другой — пытается диктаторствовать, держать того же мужчину на положении раба? Если она, к примеру, дерется? Швыряет в человека, связавшего с нею свою судьбу, вазы, утюги и прочие подручные предметы... В этом случае имеет ли такая особа право настаивать на том, чтобы к ней мужчина относился с пиететом, уважая в ней женщину? Сегодня женщины занимают самбо и каратэ, хоккеем и футболом, а в некоторых странах — даже боксом. Вне зависимости от того, как мы ко всему этому относимся, факты, как говорят, имеют место быть. Была когда-то такая диковатая песенка: «Как двинет эта прелесть, и вывернет мне челюсть, и разобьет в лепешку нос...» Однажды встретили меня две таких «прелести» поздним вечером на безлюдном и заснеженном Дмитровском шоссе в Москве. Не успел опомниться, как улегся в сугроб. В прошлом я — боксер. Нокаутировать любую из хулиганок было легче легкого. Но рука не поднялась. В конце концов отбиться удалось. Но позднее конечно же думал о том, что в мире возникают женщины-террористки, в некоторых странах есть и женские воинские и полицейские формирования... Вопрос об отношении к бывшему слабому полу становится все более сложным. И видимо, в поведенческий кодекс жизнь вносит поправки. Агрессия — всегда агрессия, совершает ли ее мужчина или женщина... Какая разница? Попытки подавить, подчинить себе другого человека, потребовать от него слепого послушания — давнее зло... К тому же угнетаемый обязательно в конце концов поднимется на борьбу за свои естественные человеческие права... В общем,

и здесь нужны четкие законы. Нарушающий их должен нести наказание. Вот какие неожиданные вопросы стали актуальными в конце XX века.

Л.— А все-таки, Николай Григорьевич, агрессивная женщина особенно противна. Ведь такое — против женской природы. Женщине важно быть женщиной. Иначе она не привлекательна, а отвратительна.

С.— А еще, Дмитрий Сергеевич, — об отношении к родителям. Святое отношение к их памяти всегда было одной из самых прекрасных традиций. Но и тут происходит пугающая эрозия... Могут сказать, что ничего нового в этом нет: перечитайте, мол, «Скупого рыцаря» Пушкина. Всегда были и проблемы недопонимания между поколениями, взаимной нетерпимости... Всегда да не всегда! Что-то сейчас это стало обретать особенно злые формы.

Л.— Это тема серьезного и немного грустного разговора. Отношение детей к родителям и память о них — это тоже один из нравственно-воспитательных моментов. Если дети не уважают родителей и память о них, родители в свою очередь неизбежно изменят свое отношение к детям. Будут им радоваться, пока те маленькие и служат радостью и немного забавой, а позднее как бы остынут к ним. Тут закольцованность...

С.— К тому же люди сейчас живут дольше, чем два-три века назад. Активный период их жизни тоже как бы продлился. Прослеживается рост потребленческого отношения не только детей к родителям, но и родителей к детям.

Л.— Я об этом и говорю: если дети не будут уважать родителей и память о них, то и родители неизбежно изменят свое отношение к детям.

С.— Но дети не могут автоматически, бездумно уважать родителей. А если родители — люди холодные, бездушные и аморальные? Легко было уважать честного труженика, пахаря, натуру цельную и ясную. Но куда сложнее — человека путаного, а случается, даже прожившего жизнь бездарно, а то и безобразно, если не преступно.

Так случилось, что я был последним, кто виделся с Валентином Петровичем Катаевым, за исключением членов его семьи. Мы именно об этом с ним говорили. Вспомнил я о сыне Федора Михайловича Достоевского, который как бы стыдился отца. Валентин Петрович поправил меня. Сказал, что такая легенда существовала. Сын Достоевского творчество отца действительно не любил. Но на могилу ездил, цветы на нее носил. И вообще, в этой истории, по мнению Валентина Петровича, было больше легенд, домыслов, чем правды... Так ли, иначе ли, но человек должен понимать, что он вовсе не самостоятельная, ни от кого не зависящая точка в бесконечности. Кому-то он обязан своим рождением, кому-то и он, возможно, сам даст жизнь. Попытки отделить себя от родителей — все равно что поставить себя над природой или вне ее. Случается — родителями гордятся, случается — искупают всю жизнь их грехи... Бывает — в смертный бой с ними вступают, причем по глубокому убеждению, с искренней верой в то, что иначе поступить не могут... Различные ситуации возможны. И не всегда они зависят от самого человека. Иногда он становится их невольником... Это сложная проблема. И истина в каждом случае конкретна. Но с одним согласен безусловно — отречение от родителей всегда начало потери самого себя...

Л.— А что же вы тогда скажете о фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние»?

С.— Да, помню... Сын вышвыривает отца из могилы... Но отца ли? Он скорее демонстрирует свое отношение к античеловеческой, антигуманной сущности любой диктатуры, всегда связанной с бедой для большинства, с потерей людьми радости жизни, а порою и воли к ней... Кроме того, «Покаяние» — притча... В ней присутствуют и элементы восточной символики... Сложный фильм. И он, и «Ностальгия» А. Тарковского произвели на меня очень сильное впечатление. Но уважение к родителям — обязательно, если общество желает выжить, что вовсе не означает бездумного преклонения перед ними... Конечно же, еще раз это повторю: в каждом случае истина — конкретна. Сейчас, в общем рисунке нашей «мозаики», хотел бы затронуть еще один вопрос...

Л.— А давайте-ка поговорим о добром поступке. Что такое добрый поступок?

С.— Наверное, это поступок, приносящий пользу другому человеку, несущий добро ему, но совершаемый без желания или надежд получить немедленную отдачу, компенсацию. Иначе это был бы не добрый поступок, а некая торговля: я — тебе, ты — мне... Впрочем, определений может быть множество.

Л.— Дело не в определении. Мы все отлично понимаем, что такое добрый поступок. Я считаю — детей со школьных лет нужно учить вести дневники добрых поступков: кому помог в течение дня, о ком вспомнил? Это может показаться странным и архаичным. Но только лишь на первый взгляд... Надо развивать страсть к добрым поступкам, индивидуальную благотворительность... Но эта тема от-

дельного большого разговора, который мы, может быть, и проведем в будущем. Индивидуальная благотворительность — тоже могучий инструмент самовоспитания.

С.— И нужно, чтобы этот инструмент действовал точно. Мне хотелось бы поговорить об индивидуальной благотворительности подробнее. Форм ее может быть множество. Если человек передал часть зарплаты одинокой старушке, если он в свободное время отремонтировал скамейку в заброшенном парке, нельзя, чтобы подошел кто-то и грозно спросил: «Что вы здесь делаете, почему самочинно ремонтируете скамейку?» Воспитание хозяйского, бережного отношения к земле, к гомосфере, к обществу связано и с правильным восприятием индивидуальных созидательных действий. Не только коллективные воскресники или субботники. Они часто становятся формальными... Однажды замечательный турецкий поэт Назым Хикмет наблюдал за людьми, обходившими стороной камень, лежавший на дороге, он мог бы его убрать сам, но важен был эксперимент. Камень мешал всем. Но лишь тридцатый по счету прохожий взял да и отволоч камень в сторону. Причем сделал все легко и весело, просто и ясно. Хотя бы порадоваться такому поступку, а не иронизировать над ним — дело чести. Из таких мелочей в конечном итоге складывается этика целой эпохи. Сдвинутый с дороги камень близок к индивидуальной благотворительности, но напрямик ею не является. Это скорее к вопросу об активной жизненной позиции. Впрочем, индивидуальная благотворительность — тоже активная жизненная позиция. Атаковать самую идею ее напрямик никто не рискует, да и не рискнет. Это было бы слишком очевид-

ным саморазоблачением. Зато пущено в ход иное оружие — ироничность в смеси с подозрительностью. Передал, допустим, человек в музей ценности или же книги в библиотеку. Тут же возникают охотники пытаться «вычислить», с какой целью это доброе дело совершено? Может быть, даритель хотел, чтобы ему публично вынесли благодарность?

Л.— А за добрые дела полагается благодарить. Аморально этого не делать.

С.— Иной раз в ход идет ирония: мол, возомнил себя благодетелем. Или же идут в ход намеки на саморекламу.

Л.— Старая история — за добрыми поступками люди, сами на них не способные, ищут еще какой-то подтекст и сиюминутные соображения.

С.— Но нельзя заставить человека, совершившего добрый поступок, еще и оправдываться. Зачем перевел через дорогу старика? Почему передал часть зарплаты детскому дому? Почему взял на иждивение сироту? Человек попадает в положение защищающегося. Возникла горькая и подлая по сути поговорка: не одно доброе дело не может остаться безнаказанным. Презумпция виновности... Докажи, что твой благородный поступок действительно был продиктован искренними чувствами. Да что же это такое...

Л.— Недопустимая вещь. Постыдно разбираться, почему был совершен добрый поступок. Он совершен — и произвольные комментарии его недопустимы. Морально наказуемы. Что же касается частной благотворительности, то она необычайно важна для нравственного климата общества. Такие поступки — прекрасный способ самоутверждения. Красивый и благородный. Я вообще за то, чтобы существовала какая-то отчетность за добрые дела.

За те добрые дела, которые человек совершает не по должностной обязанности, не в силу служебных предписаний и инструкций, а по своей воле и инициативе.

С.— Конечно. Тут двух мнений быть не может.

Л.— Если говорить об этике эпохи, то, пожалуй, все то, что прозвучало в наших разговорах, Николай Григорьевич, в той или иной мере имеет к ней отношение. И формируется она сложно, непросто... Новому мышлению, новому подходу человека к среде своего обитания, к гомосфере нужно помогать пробивать дорогу.

С.— Каждый в силу своих возможностей должен это делать, искренне и честно, с твердым пониманием необходимости прихода нового мышления и спасительности его.

Вечер шестой

С.— Вот и начинается наша очередная беседа с участием магнитофона. Помню, что во время первой беседы, Дмитрий Сергеевич, я говорил о том, что из жизни уходит эпистолярный жанр. Но может быть, рождается новый — беседы с участием магнитофона?

Л.— Как видим, уже родился, Николай Григорьевич, и давно — лет тридцать-сорок назад. И обрел права гражданства.

С.— Ну, а дальше придет пора видеомагнитофона. Не исключено, что и еще чего-то совсем неожиданного. Фантасты, как это ни странно, обычно принципиально запаздывают с прогнозами. Кто знает, не придет ли в самое ближайшее время эпоха голографии? Или же еще чего-нибудь такого, что нас весьма позабавит, удивит, а может, и напугает. Уж на что, казалось бы, смелой была фантазия Жюль Верна. Он решил даже в семидесятых годах минувшего века предречь, что в 2001 году человечество научится с помощью электричества передавать музыку на расстоянии, из города в город. И вскоре выяснилось, что прославленный фантаст ошибся ровно на сто двадцать лет. Уже зимой 1881 года на улицах Львова были расклеены афиши, извещавшие, что желающие могут прийти в концертный зал отеля «Русия», чтобы послушать музыку и пение, которые будут транслироваться по проводам из города Жовква. Руководили невиданным дотоле концертом инженер М. Михальский и местная знаменитость — друг и ассистент Фридрика Шопена, первый редактор собрания сочине-

ний великого композитора, сам первоклассный музыкант Кароль Микули. Концерт, как свидетельствуют старые газеты, не был воспринят присутствующими как событие эпохальное. Не разверзлись небеса, не рухнула Луна на Землю, овцы не превратились в волков, а волки — в овец. Новое буднично вошло в жизнь. То же самое можно сказать о граммофонных записях. А теперь и о видеокассетах.

Л.— Новшество бояться не надо. Важно, чтобы они, о чем мы уже говорили, были направлены на улучшение условий жизни человека и не отрывали его от природы, не подталкивали к дерзновенной и губительной мысли, что можно стать неким владельцем, абсолютным хозяином природы, который способен творить с нею все, что на ум взбредет. Я не устаю все это повторять, поскольку нужно, чтобы сейчас положение дел было понято быстро. С каждым годом, с каждым десятилетием всевозможных новшеств будет все больше. Уже говорил о том, что не так наивен, чтобы предполагать, что технический прогресс может или должен быть остановлен. Да и зачем это было бы делать? Но нужно найти возможность поставить его под четкий контроль мирового сообщества, не дать разгуляться, взять верх людям безответственным, не способным понять, что нравственные, этические нормы, признанные всеми и на всех континентах, — единственный выход в нынешней ситуации. Культура выше техники. Человек выше техники. История диктует и настоящее, и будущее. Если мы будем уничтожать культурные ценности ради создания техники, то зачем мы вообще существуем?

С.— В одной из бесед, Дмитрий Сергеевич, мы уже говорили о том, что развитие техники не может быть самоцельным.

Л.— Говорили, но есть смысл напомнить об этом и повторить мысль. Она очень важна. Надо, чтобы все осознали, что для нас для всех означает культура.

С.— Без нее нет человека.

Л.— Нет, и быть не может. Только мощный слой культуры влияет решающим образом на воспитание нравственности. Иначе не уйти от серьезнейших опасностей, с которыми сталкивается сегодняшний мир. Я говорю о терроризме в конкретном контексте нынешней эпохи. С возникновением новых видов оружия терроризм становится особенно зловещим. В руках людей, склонных к шантажу и насилию, может оказаться ядерное оружие или же другие средства массового уничтожения — химическое, бактериологическое. Откуда мы знаем, что они могут потребовать? Технический прогресс, создавший возможность одному человеку угрожать жизни миллионов людей, создал совершенно новую ситуацию. Повторяю: террористы могут угрожать чему угодно — человеческой жизни, культурным центрам, целым регионам, наконец, самим основам нашей цивилизации.

С.— Кроме того, терроризм страшен еще тем, что ведет атаку на волю большинства. Это — диктатура в самых страшных, диких и уродливых формах, с чем человечество примириться не может.

Л.— Нужны непреклонная воля и огромное мужество, нужны объединенные коллективные действия всех людей чести, чтобы отбросить терроризм в небытие...

С.— Терроризм всех видов, в том числе и государственный...

Л.— Конечно. Абсолютно бескомпромиссная позиция по отношению к терроризму — единствен-

но нравственная. Нужно и создание такого общего фона, чтобы были невозможны сами зачатки глубоко индивидуалистичного, антигуманного мышления, которые способны привести субъект к совершению террористического акта. Это должно стать одним из краеугольных камней сегодняшней общественной философии.

С.— Дмитрий Сергеевич, я хотел бы возвратиться в связи с терроризмом к теме, которой мы уже коснулись в одной из бесед. Думаю, что сегодня надо говорить не только о введении всеми признанного и обязательного морального кодекса ученого. Уже не уйти и от «биоэтики». Ведь продолжают попытки скрестить человека с обезьяной, чтобы получить послушных биороботов. Это ведь тоже угрожает самим основам цивилизации... Но есть и другие пугающие факты... Еще двести лет назад, даже чуть более того, Дени Дидро высказал предположение о том, что наступит такой день, когда человеческие эмбрионы будут развиваться в искусственных условиях, а свойства будущих особей начнут специально подбирать... И вот такой день настал. Не случайно ведь Французский национальный комитет по вопросам этики решил запретить опыты с человеческими эмбрионами на пять лет... Эти опыты могут привести к разрыву связи между любовью и воспроизводством человека, будут разрушены все родственные узы, спутается биологическое и привнесенное лабораторным путем родство. Окажется под сомнением сама идея материнства и отцовства. Кроме того, отцом можно будет стать и через много десятков и сотен лет после собственной смерти. Некоторые ученые не только говорят вслух, в докладах, но даже пишут в научных работах, что вскоре путем генетической

инженерии можно будет сконструировать сверхчеловека. Все это позволило Нобелевскому лауреату английскому ученому Фрэнсису Крику предречь: «... развитие биологии в определенной мере разрушит традиционные основы наших этических принципов, и я не нахожу легкого ответа на вопрос, какие другие принципы мы можем предложить взамен».

Л.— Но в своей повести «Серебряное горло» вы еще десять лет назад писали об этической стороне этих проблем. Улучшенный с помощью медицинского вмешательства певческий аппарат никому из артистов не принес счастья. Ни один из людей с «серебряным горлом» не стал великим, не сумел стать тем, кто владеет умами и чувствами публики. Любое «конструирование» людей, в каких бы видах и с какой бы целью оно ни производилось, в конечном счете приведет к печальному финалу — такому, как в «Серебряном горле». Но с необходимостью введения морального кодекса ученого, и «биоэтики» в частности, не просто согласен, а считаю абсолютной необходимостью.

С.— Я вполне представляю себе биоробот-террориста. Его могут так запрограммировать. И многое другое, что лет тридцать назад и в страшном сне не могло бы присниться... Хотя лучшие умы, самые отчаянные, смелые и бескомпромиссные нечто подобное предвидели. Вспомним Михаила Булгакова, Карела Чапека, французского писателя Веркора и его книгу «Люди или животные?»... И многих других... Вот тут-то в пору сказать о необходимости скорейшего прихода нового мышления, которое учитывало бы все реалии нынешнего мира. Причем к новому мышлению должны прийти не только политические деятели — они-то, конечно,

в первую очередь... Новое мышление, четкое и концептуальное, должно овладеть даже не миллионами, а миллиардами людей, то есть стать доминирующим. Но само по себе оно не придет. Его нужно воспитывать...

Л.— А этот процесс уже начался. Выступления руководителей нашего государства... Поиски новых форм обучения, образования... Развернувшееся во всем мире движение за пересмотр устаревших политических догм и доктрин... Усиливающееся и реально вызревающее понимание единства мира, взаимосвязанности всех процессов, происходящих в нем.

С.— Осознание того, что всемогущество человека в уровне его мышления — мышления ответственного и никак не примитивного... Что за апокалипсическая идея милитаризировать космос? Неужто непонятно, что на таком пути никакой победы ни у кого быть не может? С милитаризацией космоса, как подсчитали, в сотни раз возрастает опасность случайного возникновения войны, которая и без того чрезвычайно велика.

Л.— Никто уже не сомневается, что мы находимся на переломном этапе в развитии цивилизации... Воспитание человека, привитие ему нового мышления — главное, что сейчас нужно... О школе мы уже говорили. В частности, о том, что бороться надо не за количество различных сведений, которые пытаются преподнести ученикам, а за выработку научного метода мышления, логичного и последовательного. Логика — основа интеллекта. Научный метод мышления позволит быстро осваивать все новое, определять, что полезно для человечества, а что нет. А для этого нужно многое знать и многое понимать...

С.— Но вот что тревожит и пугает, Дмитрий Сергеевич, люди перестали друг друга выслушивать. Не все, конечно, но очень многие. В чем-то характерный для эпохи штрих. Говорят торопливо, спешат высказаться, но не спешат выслушивать. Упрямее, чем когда-либо, толкуют о том, что все необходимо познавать на собственном опыте, что дети не учитывают и не могут учесть ошибок родителей, а учатся всему как бы заново... Но недаром Франклин однажды воскликнул, что полагаться лишь на собственный опыт может только очень неумный человек... Что было бы, если бы мы не учитывали опыт древних греков и догреческих цивилизаций, римлян и средневековья? Человечество топталось бы на месте... Вероятно, приход нового мышления невозможен без пристального внимания к опыту предков. К какому именно? Да ко всему, что они делали, к их успехам и поражениям, к их будням и праздникам... Скажите, разве нет необходимости внимательнее вчитаться в «Домострой»?

Л.— Конечно же, есть... Мне уже доводилось говорить и писать о том, что эта книга, этот свод житейских правил и наставлений был явлением для своего времени прогрессивным, исповедующим идею здорового быта. Он был очень нужен в свое время, в XVI веке, и позднее. Крайне легкомысленно и ненаучно пытаться творить из него какое-то пугало, объект для насмешек и упражнений сатириков. Впрочем, были времена, когда не задумываясь сносили старые здания, и культовые, и обычные, представлявшие несомненный художественный и исторический интерес. Да попросту нужные и даже незаменимые. В свое время были уничтожены макеты некоторых непостроенных зданий. Именно непостроенных. Как можно было

уничтожать гипсовые слепки в музее Цветаева — Пушкинском и в той же Академии художеств?! Причем не понимали, что гипсовый слепок, искусно сделанный в XIX веке со статуи, которой уже нет и которая не может быть восстановлена, представляет собой ценность необычайную.

В какой-то мере это процесс, охвативший весь мир. В погоне за внешними признаками прогресса, за неверно понятыми престижными моментами на разных континентах в последнее время, уже на нашей памяти, были уничтожены ценнейшие памятники архитектуры, уникальные города, чтобы на их месте возвести безликие строения, неузнаваемые, стандартные кварталы, улицы, районы. Во многом причиной тому были, как известно, войны. Краков удалось спасти, Новгород — лишь частично. А сейчас снова нависла угроза над Новгородом — из-за излишней его индустриализации. Это тема отдельного и очень серьезного разговора... После войны сложно обстояло дело с Варшавой. Она пострадала очень сильно. И замечательно поступили варшавяне, восстановив свой Старый город в том виде, в каком он существовал до трагедии, на него обрушившейся. Этот мудрый и символический акт — наглядное свидетельство непрерывности развития художественной мысли, ее эволюции. Пусть не полностью, но частично восстановленная Варшава будет воспитывать миллионы людей в понимании той истины, что на ровном месте ничего не создается (да и сама мысль об этом абсурдна!), что любое новое, если оно созидательно, а не разрушительно, возникает на основе опыта поколений, тщательного изучения и осознания этого опыта. Но не везде, к сожалению, поступали так, как в Варшаве.

С.— Можно ли привести какой-нибудь пример антитезу, Дмитрий Сергеевич?

Л.— Пожалуйста: Париж.

С.— Вы считаете, что Парижу как городу нанесен сильный ущерб истовой модернизацией и перестройками?

Л.— В какой-то мере — несомненно.

С.— Ну что же, может быть, следующую встречу посвятим Парижу?

Л.— Почему же только ему? Проблеме реконструкции городов в целом. Мы сегодня находимся на таком этапе развития, когда к этой проблеме можно и нужно отнести серьезнее, внимательнее и вдумчивее. Да и не только к ней. Необходимость прихода нового сознания во все сферы жизни — вот что сегодня главное. Помните, во время первой беседы я сказал: XXI век должен быть веком гуманитарной культуры или его не будет совсем. Это выношенное убеждение... Веком мышления ответственного и грамотного. Естественно, не во всех деталях мы можем его предсказать и предугадать.

С.— Понятно, мы можем говорить в значительной степени лишь о том, чего хотели бы ждать от нового века и нового тысячелетия одновременно. Не единообразия, а именно единства. Понимания того, что в прежние эпохи человек был в значительной степени во власти земных стихий, теперь же внешне он вот-вот готов стать деспотичным господином Земли, вместе с ее стихиями. Но вся беда в том, что это будет только видимость. Природа жестоко отплатит не за равноправие и уважительное партнерство, на что, быть может, еще как-то можно рассчитывать, а за попытку грубо овладеть ею. Ведь наша Земля, наш осязаемый мир —

часть бесконечного и всемогущего Космоса, законы которого не познаны, думается, и в сотой доли процента... Дмитрий Сергеевич, может, передохнем?

Л.— А как это делается?

С.— Право, не знаю.

Л.— Вот и я не знаю, Николай Григорьевич.

С.— Наверное, в каждом случае по-разному. В зависимости от склонностей, темперамента, натуры.

Л.— Разумеется. Но вам удавалось когда-нибудь остановить мысль? Пока человек жив, он думает... Думает всегда... Мыслящему существу уйти от мышления невозможно...

С.— Да и не нужно. Но смена одного занятия другим — тоже отдых. Мысль можно переключать сознательно... Давайте поговорим о спиритах и о голосах из космоса, коль скоро вопрос о космосе затронут.

Л.— Но почему вдруг о них?

С.— Насколько помню, на одном из ваших телевечеров речь о спиритах велась, и говорили довольно весело...

Л.— Да, кажется, было такое... Ну что же, давайте продолжим «мозаику».

С.— Впрочем, об этом действительно, может быть, уже завтра... А сейчас прощаюсь... Поброжу по вечернему Невскому проспекту, затем пойду на Литейный, оттуда по улице Чайковского на набережные... Там многое — как родные тени... Очень дорогие и близкие...

Л.— Мог бы сказать: приятной прогулки, Николай Григорьевич. Но, наверное, здесь уместны другие слова... Приятных вам раздумий... Но вот по улице Воинова пройтись не придется — она

коренным образом изменила свой облик по воле архитекторов, и изменена к худшему.

С.— До завтра, Дмитрий Сергеевич! Отправлюсь радоваться и огорчаться... Но уходя, хочу задать еще один вопрос. Он не имеет никакого прямого отношения к спиритизму, мистике и другим подобным явлениям... Иное... Я вот о чем: ведь каждому, наверное, когда-либо приходило на ум, что до нашей цивилизации могли существовать и другие, причем высокоразвитые...

Л.— У литературоведов и историков культуры, у этнографов существует теория первоначального мифологизма. И в общем, эта теория, по-видимому, верна. Но вот что интересно. В мифах Древней Греции есть элементы — мотивы, сюжеты и прочее, — противоречащие этому: остатки высоко-развитой стадии мышления и могучего индивидуального творчества, высокой культуры личности.

С.— То, что как бы привнесено в древнегреческие мифы откуда-то?.. Может быть, мышление, свойственное давным-давно ушедшей более высокой цивилизации?

Л.— Вот и следует задуматься: не существовали ли ранее какие-то неизвестные нам культуры (атлантического происхождения), в которых было не домифологическое, а послемифологическое мышление? Эти культуры распались, и на их основе выросли в чем-то гибридные греческие мифы.

С.— А их гибридность несомненна. Иначе почему так мощно звучит в них личностное начало, так отчетливо прослеживаются мысли, чувства, сомнения индивидуума? Даже в более поздней римской мифологии оно как бы приглушеннее.

Л.— Личностное начало в греческих мифах

конечно же очень сильно. Если бы создать теорию гибридности греческих мифов, логически обосновать ее, это стало бы сенсацией. Но дело совсем не в том, чтобы сенсацию создать, а чтобы объяснить греческие мифы, которые отнюдь не целиком «мифологичны».

С.— Не случайно же все это возникло.

Л.— А не задумывались ли вы над тем, не напрасно ли мы ищем Атлантиду в исторических сочинениях и свидетельствах? Ее следует искать в самом характере древнегреческой мифологии: двухстадийной. Всякая молодая и сильная культура создается из слияния предшествующей культуры с новой, нарождающейся.

С.— Так было и с Древней Русью?

Л.— Именно так с нею и было. Древняя Русь не имела великой культуры-предшественницы на собственной территории. Ни финские, ни тюркские племена не оставили наследства, которое могло бы оплодотворить культуру восточных славян.

С.— А греческие колонии Причерноморья?

Л.— Вот о них-то и речь. На юге, вне территории Руси была та культура-посредница и та культура-субстрат, которая сыграла выдающуюся роль в появлении высокой культуры Руси. Не случайно восточные племена так тянулись к этой культуре, населяя старые греческие колонии — Тмутаракань и Корсунь, отправляясь походами на Византию. И в конце концов с необыкновенной быстротой и охотой восприняв оттуда греческое христианство. Даже если учесть, что русские христианские источники всячески смягчали и замалчивали столкновения русских язычников с новыми христианами, — быстрота и благополучие христианизации Руси заслуживает удивления.

С.— Какие-то столкновения все же были. Не случайно появились исторические романы об этом, но, полагаю, процесс был сложен. И одно совершенно ясно — язычники не оказали длительного и организованного сопротивления. Кстати, армяне, а Армения уже в начале IV века стала христианской, после потери своей государственности искали защиту у Руси и Польши, как у стран безусловно христианских по сути, по самой природе своей, где христианские традиции, христианская культура считались уже давними. Так возникли средневековые армянские колонии в Киеве, во Львове, Каменец-Подольском, Луцке, Прикарпатье, под Краковом. В общем, христианство очень быстро стало естественным для славянских стран, и в частности для Руси. Ее очень скоро весь мир стал воспринимать как страну принципиально христианскую, наследницу Византии.

Л.— Это явление объясняется, видимо, тем, что Русь нуждалась в христианстве, как в некоей культуре-субстрате, на которой и выросла великая и самостоятельная культура Древней Руси. В процессе развития культуры есть некоторая теологичность.

С.— То есть развитие по определенному закону, заранее predetermined?

Л.— Теологичность есть в процессе развития любого организма, поскольку за младенчеством следует молодость, за молодостью — зрелость и старение. Эта теологичность была в развитии древнерусской культуры. Она осознавалась людьми — «новыми христианами». И замечательный представитель этого сознания и самосознания — митрополит Илларион... Нужда в «постороннем» начале при построении своей культуры характерна для мно-

гих народов. Эта черта, в частности, средневековья, которое нуждалось в «чужом» литературном языке, в династиях властителей из «чужой» страны, в религии из другой страны, в культуре чужой и общей для ряда стран. Потребность в отдалении от родной почвы заставляет обращаться к соседям — за помощью и за единением с ними.

С.— Но такое якобы отдаление от родной почвы, Дмитрий Сергеевич, лишь способ позднее, обогатившись другим опытом и знаниями, к ней вернуться. По сути дела, это, может быть, даже не отдаление, а понимание того, что изоляционизм всегда вреден, опасен, ведет к застою и гибели. Но тут созрела тема для отдельной беседы... Сегодня, собравшись попрощаться, мы неожиданно вновь разговорились.

Л.— Что вполне естественно. Ведь «мозаика» бесконечна. Доброй ночи, Николай Григорьевич.

С.— Доброй ночи, Дмитрий Сергеевич. До завтра. И вот теперь я действительно ухожу...

Вечер восьмой

С.— Многих тем мы коснулись, Дмитрий Сергеевич, в наших беседах. Да все кажется, что главное — впереди.

Л.— Говорили ведь о самом злободневном. А этого злободневного много...

С.— Жизнь необычайно разнолика, но в то же время едина. Английский поэт XVII века Уильям Вордсворт сказал: «Наш мир, различен и един, вершит свой вечный путь...» Мир, может быть, вершит действительно вечный путь. Но хорошо бы, чтобы и наша цивилизация была вечной, чтобы она не погибла от невежества, варварства, ядерной или какой-нибудь другой катастрофы, от авантюриности поступков человека. И вновь возвращаемся к мысли о моральном кодексе ученого.

Л.— Да, он нужен. И здесь медлить нельзя. Надо создать его побыстрее. Помните: в одной из бесед я на этом настаивал?

С.— Тут хочу напомнить одну деталь из жизни Ивана Федорова, который был личностью Возрожденческого масштаба и характера — политический деятель, философ, писатель, издатель, педагог и военный инженер. Он изобрел ствольную разборную пушку, даже демонстрировал ее неким венценосным особам. Но позднее чертежей этой пушки — реально существовавшей — найти не удалось. Я уверен, что эти чертежи были уничтожены самим Иваном Федоровым. Здесь решающим оказался моральный кодекс ученого, инженера, первооткрывателя, в ту пору еще не существовавший (как не существует он и по сей день), но Иван

Федоров, видимо, сам для себя такой кодекс ввел. Потому и уничтожил чертежи ужасной по тем временам пушки, поскольку они могли попасть в руки безответственных людей.

Л.— Прекрасный пример, вернее — догадка.

С.— Ну что ж, продолжим дальше беседу... Да и беседа ли это? По стилю, по жанру эти диалоги, как мне думается, такого рода, что никакие «моралите» не нужны. Еще раз напомним: «диалоги» — приглашение к раздумьям. Но к одной из затронутых тем хотелось бы вернуться еще раз... Речь о хронологическом провинциализме...

Л.— Но это явление в тех или иных формах всегда существовало.

С.— Разумеется. Но до возникновения средств массовой информации, Дмитрий Сергеевич, этот особый вид провинциализма не обретал столь угрожающих масштабов. Сегодня он стал явлением всемирным. Телевидение, радио, газеты — мощный способ воздействия на умы. Но они не дают возможности человеку остаться наедине с собой, со своими собственными мыслями, как это давала книга.

Л.— Почему же вы сказали о книге в минувшем времени? Книга никогда не уйдет. У нее в духовной жизни человека — своя и особая роль. Ее ничто не вытеснит.

С.— Согласен и не спорю. Но продолжаю настаивать на том, что средства массовой информации позволяют быть в курсе, не затрачивая особых трудов, чрезмерно полагаясь на чьи-то оценки, пусть даже очень квалифицированные и грамотные. Но так ли, иначе ли — угасает самостоятельность, унифицируются вкусы. Уже наблюдается процесс коллективной стандартности оценок — следят толь-

ко за модными новинками, только за тем, что названо, обозначено, разрекламировано. Между тем, в свое время ждали подлинного признания Лермонтов и Стендаль, Платонов и Булгаков... Даже Бах и Шекспир, которых то «забывали», то вновь возвращались к ним. В чем-то такой процесс естествен. Но всегда были люди, пусть их было немного, которые понимали истинную цену этих талантов, в чем-то обогнавших время. Стендаля большинство читателей и литературных критиков поначалу не поняли. Но важно было, что два выдающихся писателя пошли наперекор популярным в ту пору вкусам. И позднему всемирному признанию Стендаля во многом способствовали категорически положительные оценки Бальзака и Гете.

Л.— Речь идет и о самостоятельности мышления, и о самостоятельности оценок.

С.— А умение самостоятельно мыслить — единственный путь ухода от хронологического провинциализма.

Л.— И я верю, что самостоятельно мыслящих людей с каждым годом будет все больше и больше, людей глубинной культуры... Не тех, которые лишь «в курсе»... Многие события конца нашего столетия заставляют вновь и вновь говорить о необходимости прихода нового мышления — мышления самостоятельного и ответственного. И это гарантия того, что хронологический провинциализм постепенно будет потеснен... Это важно, это необходимо...

С.— Хронологическим провинциализмом может страдать человек любой профессии и любого общественного положения — писатель, артист, художник, политик.

Л.— Любой. Но борьба с этим явлением, умение мыслить ответственно, критично, самостоятельно —

один из элементов, необходимых для формирования нового человека.

С.— Итак, речь идет все же о необходимости прихода в мир нового человека?

Л.— Человек — это его сознание. Новое мышление в какой-то мере, если угодно, и есть новый человек.

С.— Дмитрий Сергеевич, времена сейчас бурные. Новые подходы к миру, действительности формируются на глазах. Мы уже не удивляемся движению так называемых «зеленых». Не случайно люди в разных странах решительно поднимаются на защиту природы. Это приводит постепенно к глубокому осознанию того, что человек — часть природы. Уничтожая природу, обязательно в конце концов уничтожит себя, если, конечно, не остановится. Читая в одном из номеров «Нового мира» письма сторонников «поворота» северных рек на юг и убедительный ответ им С. П. Залыгина, я вновь вспомнил об идее нравственного кодекса ученого, землеустроителя, земледельца, лесоведа. Сторонники «поворота» рек обвиняют С. П. Залыгина в... чрезмерной эмоциональности, в том, что он не бесстрастен и во всех прочих грехах. Удивительная логика! Какое-то мышление наизнанку. А как следует говорить о действиях людей, бездумно пытающихся насиловать природу? Разве мало бед от подобных действий человечество натерпелось? Кстати, если заглянуть в глубины истории, тоже выяснится немало любопытного... Земледелие в долине Нила, в Крыму, во многих районах Китая существовало издревле. Другие регионы были преимущественно пастбищными. Кстати, в Средней Азии земледелие то возникало, то исчезало... Вдруг приходили в упадок иррига-

ционные системы, вновь наступали пустыни. Почему такое происходило? Только ли по недосмотру или по лени земледельцев-ирригаторов? И наверное, не одни кочевые народы-завоеватели погубили в некоторых районах цветущее земледелие. Тут еще и сама природа мстила дерзновенному человеку. Во всяком случае, отчасти это было именно так. Это изучено плохо. А ведь речь идет о своеобразных «белых пятнах», о том, о чем нам следовало бы знать. В той или иной мере, судя по всему, нарушили экологический баланс... Сейчас много говорится о необходимости покончить с «белыми пятнами» в истории, назвать вслух то, что не называлось, многое пересмотреть, уйти от предвзятости, односторонности, тенденциозности. Может быть, в связи с этим следовало бы проанализировать те случаи, когда человек пытался не считаться с природой и получал от нее жестокий отпор. Куда делись леса Ливана или Карфагенские рощи? Их вырубали, о чем позднее можно было лишь сожалеть. Пустыни поглотили пашни, исчезли цветущие оазисы... Приходили в запустение и некоторые наши территории, в прошлом вполне благополучные... Почему такое происходило? Причины, как правило, всегда не так просты. Какой-то опыт наших предков, не только положительный, но и негативный, — может послужить уроком и для нас. И мне кажется, что в ближайшие годы интерес к отечественной да и к мировой истории не только не ослабеет, а, напротив, станет еще более пристальным. Очень многое будет по-новому, как бы еще раз проанализировано. Начиная от времени Ивана Грозного, а может быть, и ранее...

Л.— Конечно. Память и знание прошлого наполняют мир. Если мы не видим за всем тем, что

нас окружает, прошлого, то значит — слепы и глухи и не видим ничего... О многом придется подумать еще и еще раз... Например, о том, что во времена того же Грозного на Западе существовали не менее кровавые деятели. Вспомним хотя бы того же герцога Альбу... Наши представления об истории и о прошлом — это по большей части мифы. Вот, например, один из мифов — «потемкинские деревни». А князь Потемкин населял Новороссию и строил Одессу, Николаев и многие другие города как раз в тех местах, где якобы были пресловутые деревни. Тем не менее истина в этом мифе о «потемкинских деревнях» была: в России очень любили строить для начальственного ока.

С. — А разве не «белое пятно» — образ А. В. Суворова? Я не оговорился. А имею в виду вот что. Усилиями многих авторов разных времен представления об этом замечательном человеке были искажены. Недавно изданы наконец письма А. В. Суворова, собранные за много лет служения его памяти не историком и не литературоведом, а кинорежиссером Вячеславом Сергеевичем Лопатыным. Из этих писем, опубликованных в серии «Литературные памятники», вырастает совершенно иная фигура Суворова: не просто полководца и мыслителя, а человека, умеющего приподняться над предрассудками эпохи, популярными воззрениями, бытовавшими в ту пору. Впереди еще и издание пьес Суворова, его раздумий о театре — хотя бы по свидетельствам современников, крупным, извлеченным из мемуарной литературы. А разве не пришла пора издать сборник литературных произведений Григория Александровича Потемкина, человека, сыгравшего огромную роль в нашей истории, смелого политика, дипломата и литератора? Мне

вообще видится книга, а может быть, и серия книг, которую условно можно было бы назвать «Русской историей в образах», в создании которой могли бы принять участие многие историки, литераторы, писатели. Типологически она могла бы быть сложной — сочетание художественно-исторических очерков с хрестоматийным и иконографическим материалом...

Л.— Конечно, все это нужно сделать, Николай Григорьевич. Не в суете, не хватаясь за одно и другое, а продуманно, четко, методично. Сколько лет вы сами занимаетесь отечественной историей?

С.— Не знаю. С детства... Может быть, всегда...

Л.— И написали об Иване Федорове — это XVI век. О походе Карла XII—XVII век, о конце XVIII века в России и Европе, о Суворове, а «Семь ошибок, включая ошибку автора» — это, как я помню, начало XIX века, эпоха декабризма...

С.— «Крымская повесть» — начало XX века. Сейчас работаю над книгой о временах «русского короля» — князя Даниила Галицкого, человека во многом обогнавшего свой XIII век... Вот, пожалуй, и все.

Л.— Нет, не все. Есть и современная проза. И ее немало. И нынешнего человека вы рассматриваете сквозь призму истории, в контексте гомосферы.

С.— Не знаю, не думал. Скорее всего именно так. Во всяком случае, в повести «Послеобеденная идиллия» не искал правых и виноватых. Каждый человек, осознанно или неосознанно, выступает носителем определенной идеи и подхода к жизни. У каждого своя логика, а может быть, и своя правда. Осознание этой «многослойности» жизни, а не только прямой публицистический анализ,

необходим литературе. Категоричность, ригоризм, которые не следует путать с принципиальностью, ведут к нетерпимости. Нетерпимость — к крушениям большим или малым, к поискам не взаимопонимания, а только победы. Между тем, «победитель» всегда должен быть готов к тому, что «побежденные», так же искренне, как он сам, уверенные в правоте своей, когда-нибудь попытаются взять реванш. Диалектика развития? В значительной степени это именно так. Но в сегодняшнем мире, способном к самоуничтожению, «победитель» рискует стать камикадзе, смертником... «Послеобеденная идиллия» и об этом тоже... Человек должен учиться видеть себя, необычайно конкретного, единственного, уникального, но все же в контексте исторического развития, не иначе — для того, чтобы не стать разрушителем.

Л. — Другими словами, речь идет о внутренней культуре, об интеллигентности. Я считаю, что нация, которая не признает интеллигентности, обречена на гибель. Интеллигентность невозможна без стремления понять мнения и чувства других. Этому нужно учиться. Это нужно в себе воспитать. Как-то раз вы очень хорошо рассказывали мне о своих педагогах в жизни, о тех учителях жизни — писателях, ученых, краеведах, артистах, людях различных специальностей, которые привили понимание бесценности мира, созданного человеком, мира уникального и неповторимого... Историзм мышления сегодня необходим каждому... Взять хотя бы Русский Север — край удивительный, не познанный до конца. Надо знать историю Русского Севера.

С. — Бесконечный в своей философской сущности и могучий по силе воздействия на души.

Л. — Мне трудно выразить словами мое восхи-

щение, мое преклонение перед этим краем. Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, прослушал песни и сказки, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось — только так и нужно жить по-настоящему: размеренно и легко, трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть («идти», сказали бы поморы), каким волшебством мне показались рыболовство, охота. А какой необыкновенный язык, песни, рассказы... А ведь я был совсем еще мальчиком и пребывание на Севере было совсем коротким, всего месяц — месяц летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя так много лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца своих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории, русской! — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой «философской»), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода, снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне. Но ведь они северяне, многие из них вышли из деревни — «вышли», но в какой-то мере там и остались. Им стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что похвалили они свое, и это будет воспринято как бахвальство. Но я ро-

дился в Петербурге и всю жизнь прожил только в этих трех городах: Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще в Питере — это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о своей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно... Вы бывали на Севере? Писали о нем?

С. — Конечно бывал. Уже говорил: когда-то даже проплывал на лодке по пути древних варягов — от Балтийского моря до Черного... Писал об этом, но не так, как хотелось... Сейчас стесняюсь этих очерков — они поверхностны, неглубоки, в них многовато журналистской лихости... Мечтаю о большом путешествии по Северу, который не отпускает от себя. Даже снится порою...

Л. — Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека — это тем, что он самый русский. Он не только духовно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — в эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию песенную, словесную — русские трудовые традиции: крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины.

Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны хранить как зеницу ока, не допуская

ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень. Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского юга.

С.— Дмитрий Сергеевич, то, что вы сейчас сказали о Русском Севере, обязательно должно было быть произнесено. Я упрямо верю в то, что именно сейчас человечество подготовлено к качественному скачку в мышлении — приходу к иному пониманию истории, иному идейному отношению к ней. В минувшем году случайно был свидетелем того, как группа дачников на реке Нерли в Калининской области повела борьбу против других дачников, злоупотреблявших бензиновыми моторами и загрязнявших реку. Это были городские люди, «выросшие на асфальте», но осознание того, что природу нельзя уничтожать, пришло к ним и даже побудило к действиям — еще один штрих, свидетельствующий о приходе нового сознания. А двигатели внутреннего сгорания — не архаичны ли они? И не атавистична ли погоня за индивидуальными автомобилями до поры, пока широко не войдут в быт двигатели с аккумуляторами с подзарядкой от солнечных батарей? Многие проблемы теперь возникают перед человечеством как бы вновь. Идет серьезнейший пересмотр ранее казавшейся незыблемой системы воззрений, отказ от некоторых истин, которые теперь видятся псевдо-истинами. А вот приятное сообщение — наша страна отказалась от промышленной добычи китов в Мировом океане, а следовательно — везде, в любых водах, включая Антарктиду. Замечательно, что от нас же исходит инициатива о заключении Международной конвенции не только по урегулированию

китобойного промысла, но и о придании ему в основном научно-исследовательских и природоохранительных функций. На этой светлой ноте, может быть, мы и закончим сегодня беседу, Дмитрий Сергеевич, которая опять вышла «мозаичной»? Историзм мысли, терпеливая и направленная работа по изучению того, чего мы не знали, снятие завесы таинственности и «белых пятен»... Коллективный разум должен победить!

Л.— Разум победит! Если же этого не случится, Николай Григорьевич, то дальше — пустота... Но разум в конечном итоге всегда оказывается сильнее безумия.

С.— Хотя мы собирались закончить беседу, не могу не вспомнить в связи с темой беседы вот о чем. Когда-то я немало помыкался по различным редакциям с повестью о детских годах, проведенных в оккупации, в маленьком донецком городке Енакиеве. Городок поначалу находился в итальянской зоне оккупации, затем в немецкой. Судьба этой повести сложилась несчастливо. Многие в ней не устраивало редакторов, но особое недоумение вызывал эпизод, когда меня, раненого и разбившегося при падении в подвал, выхаживали итальянский полковой священник (падре) и сержант по имени Марио, который не только любил детей, но и замечательно пел.

Недавно мне попало в руки «Избранное» итальянского писателя Ригони Стерна, выпущенное в свет издательством «Прогресс». Поначалу вчитывался трудно, не сразу принял писателя, хотя понял, что в своих подходах к явлениям жизни и в эстетике он совершенно самостоятелен. Ригони Стерн из той породы писателей, которые от себя как бы не отпускают. Во время войны, в составе итальянской

армии, он был в нашей стране, воевал под Сталинградом, вместе с многими другими итальянцами повернул оружие против гитлеровцев, хотя силы были неравны. Затем — немецкий концлагерь, побег... У меня в блокноте выписано несколько абзацев из повести Ригони Стерна «Сержант в снегах». Вот как они звучат: «...я подбежал к одной из изб, постучал, вошел. В избе — русские солдаты. Пленные? Нет. Они вооружены. На шапках у них красные звезды! А у меня в руках карабин. Остолбенело смотрю на них. Они сидят за столом и хлебают деревянными ложками суп из одной большой миски. А сейчас смотрят на меня и ложки застыли в воздухе. «Мне хочется есть», — говорю я. В комнате сидят и женщины. Одна из них берет тарелку, половником из общей миски наливает в нее молочный суп с пшеном и протягивает мне. Я делаю шаг вперед, закидываю карабин за плечи и начинаю есть. Время остановилось. Русские солдаты смотрят на меня. Женщины тоже смотрят на меня. Все молчат. Слышно лишь позвякивание ложки в моей тарелке. «Спасибо», — говорю я, кончив есть. Женщина берет пустую тарелку из моих рук. «Пожалуйста», — просто говорит она... Вот так все было. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, не вижу в случившемся ничего странного. Наоборот, мне это кажется естественным, ведь изначально отношения между людьми и были такими естественными...»

Л.— А что же с этим человеком было дальше?

С.— Через час ему пришлось идти в новый бой, в котором он уже не смог стрелять: ошеломляла мысль, что он может убить тех русских, которые спасли его от голода. В конце концов он повернул оружие против гитлеровцев. А дальше — концла-

геря, побег, снова концлагерь... В конце концов вернулся домой, стал писателем. Из его повести «Возвращение на Дон» я узнал, что зимой 1942 года мы с ним вместе были в маленьком донецком городке Енакиево. Я, естественно, глядел на мир глазами шестилетнего мальчишки, а он — взрослого человека. И вот выяснилось, что с разницей в двадцать лет мы с ним писали об одних и тех же событиях, памятных по зиме 1942 года...

Л.— Вы отыскиали этого писателя?

С.— Пока не отыскал. Но надеюсь связаться с ним.

Л.— Могла бы возникнуть удивительная книга в соавторстве.

С.— Возможно. Думал об этом. Тем более что по тем годам я запомнил одного Марио... Может быть, это и был Марио Ригони Стерн. Так случилось, что я в ту пору был на грани смерти — изломан, расшиблен... Врачей не было. Бабушкам помогали выхаживать меня итальянский полковой священник (падре) и сержант по имени Марио, который немного говорил по-русски и замечательно пел свои родные итальянские песни, со многими из которых я позднее еще раз встретился в грамзаписях и в исполнении Артура Айдиняна.

Л.— Я не читал этих книг, но, как я понимаю, вас в них заинтересовал пересмотр человеком собственной жизни, процесс мужественного самоочищения, умение взглянуть на себя и на свои действия со стороны.

С.— Да, Дмитрий Сергеевич. Одна из самых сильных сторон человека — способность к самосовершенствованию, к подлинной, а не внешней самокритичности, умению признать заблуждения и попытаться подняться над ними. Личность во мно-

гом способна к самоконструированию — удивительная и прекрасная способность.

Л.— Очень важно, чтобы те, кто к этому способен, объединились в борьбе за сохранение мира Человека, гуманитарной культуры.

С.— Думаю, только в этом случае Разум победит, ибо сегодня пришло время формирования коллективного Разума человека.

Вечер десятый

С. — Итак, сегодня, Дмитрий Сергеевич, о городах будущего. Вы сказали, что большие и малые города во много раз выросли, а жить в них не стало легче. Напомню, что зашла речь и о мощном, неуправляемом процессе урбанизации планеты, которая рискует превратиться в один сплошной большой город. Пусть сегодня это выглядит еще не совсем так, но урбанизация принимает угрожающие размеры. Но есть и неожиданные радующие явления. Во многих высокоразвитых странах территория, занятая лесами, не только не уменьшается, а в последнее время растет. Например, в Федеративной Республике Германии, которая в середине нашего века представлялась всем чуть ли не одним сплошным городом, сейчас почти треть площади — лес. Рекультивация, восстановление лесов, очистка вод интенсивно ведется в Германской Демократической Республике, в Чехословакии... Хотел бы сказать еще вот о чем. Технологическая революция, научный прогресс позволят использовать не только нефть, уголь, но и альтернативные источники энергии, не наносящие ущерба сфере обитания человека, не нарушающие экологический баланс. Кроме того, сами заводы, фабрики, любые промышленные предприятия станут компактнее, не будут занимать так много места.

Л. — Конечно, Николай Григорьевич, многое заставит людей будущего жить, действовать и строить иначе, чем это делаем мы. Должен быть создан новый тип населенных местностей, где жить было бы удобнее — с досту-

пом во все культурные центры: в лучшие библиотеки, в лучшие театры, в лучшие концертные залы. Один из проектов такой населенной местности двано представляется мне как мечта... Москва и Ленинград соединены между собой сверхскоростной магистралью. Проходит эта магистраль по красивой местности: леса, поля, болота, опять леса, мелкие населенные пункты... Только старая Тверь стоит на этой трассе, да поблизости — Вышний Волочек. По этой трассе строятся — так мне видится — линейные города. Длинные, с легким доступом в леса и поля, с сохранением всех памятников культуры, особенно это касается района Селигера, Вышнего Волочка, Клина. Из такого линейного города за день можно будет съездить в Москву или Ленинград — побывать в музеях того и другого города, на интересных театральных постановках или в концертах, а затем успеть вернуться назад. По этой «культурной магистрали» должны создаваться именно те учреждения, которые имеют отношение к культуре... Разрешите, я нарисую в вашем блокноте схему такого города... Вот здесь, около Твери, должна быть Академия наук РСФСР, в Клину — около дома Чайковского — Музыкальный центр нового типа... Здесь найдется место многим вузам, Академии художеств... Для заводов, фабрик надо построить другую магистраль городов — где-нибудь поближе к промышленному сырью. Или несколько магистралей. Фантазия? Может быть... Но почему же не пофантазировать? Ведь многие идеи поначалу казались фантазиями... Вы согласны?

С. — Согласен, Дмитрий Сергеевич. Кроме того, как определить: фантазии это или смелый план-мечта? А ведь еще очень давно было сказано, что

мечты — это планы деловых людей... С мечты начинались некоторые дельные проекты... Уже не за горами новое тысячелетие... И многое из того, что сегодня представляется только мечтой, скоро станет обыденностью, практикой...

Л. — Ну, а мне, специалисту по литературе, естественнее всего думать о том, что ожидает нас в культуре. И вот, когда в основном будут удовлетворены все потребности в еде, скоростях и комфорте, а это, верю, вполне достижимо, если не думать об особых излишествах, которые, как и всякие излишества, скорее вредны, чем полезны, вот чего я жду.

Нас ждут города, в которых мы будем чувствовать себя преемниками своей собственной и мировой культуры. Нас будут окружать здания прошлого не в одиночку, а ансамблями. Будет бережно охраняться гомосфера. Будет много музеев, посвященных не только произведениям искусства, великим писателям, художникам, ученым, артистам, революционерам, общественным деятелям, великим врачам. Будет много хороших театров, больших и маленьких, мест интеллектуальных встреч, где в окружении книг и журналов люди смогут назначать друг другу дружеские и деловые свидания.

Если говорить о моем родном городе Ленинграде, то Невский будет прогулочной трассой, с него будут перенесены хозяйственные и продовольственные магазины, а оставлены только книжные, антикварные, сувенирные... На стрелку Васильевского острова будут возвращены университетские факультеты из Петродворца, и она по-прежнему будет районом науки и ученья.

Большой прогулочный парк протянется от Елагина острова через Крестовский, Петровский,

по бывшему Ватному острову, вместо существующих здесь в центре Ленинграда заводских учреждений, к парку Ленина и дойдет до стоянки «Авроры». На купол здания Академии художеств вновь возвратится статуя сидящей Минервы, а на фасад Публичной библиотеки — статуи античных мудрецов.

Гуманитарным наукам будет уделяться столько же внимания, сколько и негуманитарным. Русская литература будет изучаться в таком же объеме, как изучаются литературы других стран. Институт русской литературы (Пушкинский дом) увеличится втрое, будет по числу ученых не меньше, чем институты грузинской литературы в Тбилиси или армянской литературы в Ереване. Пушкинские рукописи, как и рукописи других русских классиков, будут храниться в современных, оборудованных по последнему слову техники, хранилищах. Со всех рукописей будут сделаны отличные воспроизведения, по которым не только ученые-литературоведы, но и студенты-филологи смогут работать, а последние и осваивать науку изучения классиков. Мы сможем издать не только тридцатипяти томное академическое собрание всех произведений Пушкина, но будет издан минимум нуждающихся в академических изданиях классиков: Державин, Жуковский, поэты пушкинской поры, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, повторное, но с исправлением ошибок и с дополнением пропущенного, стотомное издание Льва Толстого, будет издан полный академический Горький, академические собрания сочинений Шолохова, Шукшина, Федора Абрамова, Валентина Распутина и многих других советских писателей.

Искусствоведение наше вновь заблестит именами, известными всему миру. Историческая наука

не будет бояться личностей, в которых более всего воплотилась та или иная эпоха, и благодаря этому она станет вновь интересной для читателей, которым не нужно будет ради удовлетворения своего интереса к истории обращаться к литературному ширпотребу.

Библиотечное дело сможет играть ту роль, которая ему предназначена в культурной жизни каждой страны: первенствующую. Ибо без библиотек не бывает ни науки, ни образования, ни движения вперед в области литературы и искусств. Все библиотеки будут иметь прекрасные здания с превосходными читальными залами и множительными аппаратами, обслуживанием на дому микрофильмами. Ни один отдел в библиотеке не будет закрываться, а ремонт библиотечного помещения будет производиться без перерыва в работе.

Конечно, это далеко не все и даже не всегда самое главное, о чем следует мечтать для XXI века. Это только те пожелания, которые по тем или иным личным причинам особенно дороги именно мне. Я думаю, многие деятели культуры подумают и о другом, более, с их точки зрения, важном, а иногда и менее случайном, не связанном непременно с Ленинградом и Москвой, но и со всей нашей обширной и великой страной. В каждом городе и каждой сельской местности культура XXI века видится со своей точки зрения. Честь и хвала каждой точке зрения. Они открывают перспективу на всю культуру XXI века. Нам предстоит очень многое, и прежде всего, я бы сказал, в решении моральных проблем: морали людей, морали народов и стран. Без установления нравственной атмосферы во взаимоотношениях стран, атмосферы не только военного мира, но и мира морального — в пух

разлетятся все наши мечты о росте высокой и нормальной культуры (ибо только высокая и может быть «нормальной»), — гомосфере — культурной атмосфере, которая окружает человека.

С.— Я вижу, что вы представляете почти зримо городской облик нашей страны, ее культурные основы. А как вы смотрите на более близкое будущее планеты? Что нужно, по-вашему, сделать, чтобы достигнуть мира? Есть ли у вас какие-либо особые предложения кроме тех, что в «экстренном порядке» делаются нашим правительством и с которыми разумным людям, не имеющим «задних мыслей», просто невозможно не согласиться?

Л.— То, что я предлагаю, частично уже осуществляется. Я надеюсь, что на это будет обращено больше внимания. Вы догадываетесь, что, поскольку я считаю XXI век веком культуры, на культуру в области объединения мира я и возлагаю главные надежды. Двадцатый век (позвольте мне о нем говорить в прошедшем времени) был веком всяческого разъединения, обособления, несогласия и нетерпимости к «чужому», это разъединение шло по «всем швам» — где бы эти швы только не обнаруживались. Разъединения национальные (рост шовинизма), расовые, социальные, континентальные, между мирами (первым, вторым, третьим), научные (между отдельными науками), между научной интеллигенцией и всякой иной, между «технарями» и «лириками» — творцами гуманитарной культуры, между профессиями (появление слишком узких специальностей), между мировоззрениями и идеологией (не следует смешивать мировоззрение с идеологией). Мы стали планетой глухих, но еще не разучившихся говорить, вернее бубнить, свое, но скоро, как и все глухие, разучимся

внятно говорить. Разделение и нетерпимость во всех сферах жизни — вот что такое вторая половина XX века.

С.— Какой же выход?

Л.— Нам нужно объединение, и прежде всего в сферах экономических и культурных. Культура принадлежит всему человечеству — это главное объединяющее представление, которое должно войти в сознание всех людей Земного Шара. На сохранение культуры народов больших и малых должны быть направлены усилия всех людей. Накормить человечество, я уверен, удастся относительно скоро (век, два), но человечество существует не только для того, чтобы набивать желудки и ездить быстро. Оно существует ради творчества и результатов этого творчества. Создание приемлемой гомосферы — это прежде всего создание высокого культурного окружения каждого человека и всех людей вместе. Культура в таком понимании — мощный объединяющий фактор — фактор мира, согласия и взаимопонимания. Культура каждого народа — это открытые двери в его душу. Мы должны сохранить разнообразие культур и не допускать нивелировки, подравнивания «слабых» культур под «сильные» — американскую, английскую, французскую, русскую и т. д. Тем более что то, что считалось раньше «слабым», оказывается ныне «сильным» (африканские культуры, южноамериканские, китайская и пр.). «Культурный генофонд» Земного Шара должен быть сохранен во всем объеме — особенно языки не должны исчезать. Язык — сильнейшее выражение культуры (не случайно им наделен только человек, который должен словом защищать все земное на земле). Верующие мы или неверующие — мы должны по-

нимать, что религия тоже явление культуры, квинт-эссенция нравственного опыта, традиций, музыкальной, изобразительной, обрядово-театральной культуры и т. д. Отрицать все это, объявлять «реакционным» неразумно и может повести к огромным потерям. Иное дело, что в этом нужно разбираться, разбираться научно. Это область наиболее старого в культуре и наименее изученного. Здесь должны помочь нам «терпимые атеисты» — люди, которые могут быть наиболее свободными в подходе к изучению религии. Представитель одной религии может быть более нетерпим к другой, чем интеллигентный атеист (именно атеист, а не «безбожник» из тех, что сжигали иконы и разрушали ценнейшие храмы).

К счастью, религиозная нетерпимость представителей отдельных религий друг к другу явно сейчас пошла на убыль и появилось много альянсов различных религий — совещаний, конференций, объединяющих религии в общей борьбе за мир на земле. Кстати, экуменизм — признак ослабления религиозной убежденности. Этим я не хочу осудить экуменизм. Наоборот, хочу считать это одной из побочных форм борьбы за взаимопонимание.

С.— Дмитрий Сергеевич, к экуменизму — движению всех христианских церквей, ставящему своей целью выработку единой социальной программы, — очень часто относятся настороженно. Во всяком случае — многие.. Оно ведь возникло еще в начале XX века. Тогда многих попросту напугало понятие «экуменус», что означает «все-ленский». Нет ли здесь попытки создать определенного образа диктатуру?

Л.— Нет, я так не думаю. Религии и вероисповедания могут служить и уже служат важным

средством борьбы за мир, за объединение вообще, в чем так нуждается сейчас Земля.

Если всё будет идти с религиями в том же направлении, то произойдет еще одно важное явление — религии станут более светскими, а следовательно, смягчится еще одно разделение — между религиозными мировоззрениями и нерелигиозными.

Поэтому, не надо искусственных вмешательств в дела религий. Пусть они развиваются по своему пути. Не надо вмешиваться в дела по управлению церкви, ставить им рогатки в церковных назначениях, отменять запреты на религиозную пропаганду (не пропагандой определяется религиозность того или иного человека, а его личными несчастьями, надеждой найти утешение от них и пр.), на благотворительную деятельность церквей (тут мы могли бы найти подспорье в пополнении персонала, среднего и низшего, для наших больниц).

Извините, мы отвлеклись от нашей основной темы: что нужно для объединения людей Земного Шара. Забота о культуре, принадлежащей всему человечеству, потребует создания тезаурусов мировой культуры. Это гигантская работа, которая должна охватить все страны мира, которая потребует дискуссий: что признавать объектами культуры, что заносить в эти тезаурусы, и при этом по единым принципам, единой схеме, на каких общедоступных языках их делать и т. д.

А далее, как человечество может охранить свои богатства и от чего их спасать? Что такое реставрация, каким принципам она должна подчиняться, как обмениваться техническим опытом и техническими средствами? Необходимы конференции, совещания, общественные учреждения, издания, периодика и т. д. Все это уже само по себе соз-

дает чувство единства человечества, создаст не обязательно дружбу между народами, но взаимопонимание и терпимость. Это должно быть очень широкое гуманитарное движение, связи людей друг с другом (не люблю «электрического» слова «контакты»), поездки молодежи в другие страны. И конечно же длительные творческие пребывания за границей: такие, как бывали у Гоголя, Тургенева, Достоевского и у очень многих русских живописцев. Совместные работы над фильмами, театральными постановками, длительная работа в иностранных архивах крайне важны не только для создания иных научных и художественных произведений, но и для общей миролюбивой атмосферы на Земном Шаре, при которой военные действия станут невозможны. А еще более невозможны они станут, если у нас будет больше общеевропейских или общемировых научных институтов для разработки не только технических проблем, но и гуманитарных. Если какой-нибудь научный институт или опытная установка будут действовать сразу в нескольких странах, пересекая границы (гигантские ускорители, астрономические установки и т. д.). А как важны были бы институты по гуманитарным дисциплинам: Международный институт изучения Ренессанса, или барокко, или средневековья, или Институт археологического изучения Африки, или Институт сравнительного литературоведения. Необходимы экстерриториальные научные города, научные центры, работающие по международным программам. Все это явится заслоном от психологической подготовки войны, а также и экономическим препятствием. Любой разрыв отношений явится гигантским ущербом для экономики каждой из входящих в такую организацию стран.

И тут на память мне приходит мысль, высказанная на международном совещании безопасности православным митрополитом Питиримом: следует различать политическую идеологию и мировоззрение. Могут быть разные мировоззрения, а политическая идеология — одна, прогрессивная, за мир, за объединение. Могут быть одно мировоззрение или близкие мировоззрения, а вражда бешеная.

Итак, не только культура прошлого одна, но и культуру будущего века следует строить как одну, как единую культуру всего человечества. Это мировосприятие единства человеческой культуры, взаимозависимость всех — на него я возлагаю главные надежды. И к этому дело идет. Атмосфера физическая на Земном Шаре одна, и охранять эту атмосферу мы должны все вместе. Культура тоже одна. Без западноевропейского искусства не было бы русского искусства XIX века. Без русского искусства XX века не было бы и западноевропейского искусства нашего времени. Культура перекатывается как воздух. И это хорошо. Необходимо ослабить духовные границы между странами, разумеется, для людей духовных, творческих, а не для преступников-террористов и не для провокаторов всех мастей, не для контрабандистов — тоже всех мастей. Но будем больше доверять настоящим ученым и настоящим людям искусства. Злобной, разделяющей деятельностью занимаются по преимуществу те, у кого пустота в душе, кто бездарен и знает это. Границы должны быть возможно шире открыты для мира, и это закроет их для войны, враждебности, злобной пропаганды, непонимания друг друга. Сейчас в нашем мире не только усилилась опасность войны, но и увеличились шансы сохранить мир, ибо разви-

тие туризма, общения (особенно длительного), обмен информацией, возможности создания международных научных и художественных предприятий, институтов, даже просто домов международного творчества отдыха и общения — все это мощно работает на мир.

Мир — это общение, терпимость, взаимопонимание. Война (даже необъявленная) — это разделение всякого рода, непонимание друг друга (отсюда враждебность), подозрительность, нетерпимость к «другому» мировоззрению, хотя нетерпимым нужно быть только к агрессивной идеологии.

С.— Агрессивность во всем, включая идеологию, а может быть, прежде всего в ней, — никогда не была признаком силы. Это доказано историей. Внутренняя сила связана с внутренней правотой. Когда же верят в себя, стараются верить и в других.

Л.— Согласен. И порешим на том. А вас в будущем что интересует больше всего?

С.— Конечно человек. Каким он будет? Сохранятся ли разные люди — характеры, особенности поведения, особенности психики?.. Надо думать, изменятся некоторые и внешние черты жизни и поведение.

Л.— Я не прочь сообщить кое-какие свои мысли по этому поводу.

С.— Пусть следующая беседа, Дмитрий Сергеевич, будет об этом.

Л.— Договорились, Николай Григорьевич.

Вечер одиннадцатый

С.— Сегодня, Дмитрий Сергеевич, у нас как бы очередная «мозаика».

Л.— Так что же, давайте сразу к делу, Николай Григорьевич. И начну вот с чего: с любопытной, на мой взгляд, особенности эпохи.

Существенная сторона современной жизни — туризм всех видов и соответственное развитие различных аттракционов. Аттракцион — это и развод караула перед Букингемским дворцом в Лондоне, и выход папы на балкон своего дворца для благословения народа, собравшегося на площади Святого Петра в Риме. Папа становится для части толпы как бы актером. В еще большей мере актер американский президент. «Специализированный актер» английская королева.

Не разберешь: кого теперь больше в Святой Земле — паломников или туристов. Скорее всего так: паломники приобрели в значительной степени свойства туристов, а истинно молящиеся стали участниками «действия» для туристов.

В ближайшее время туризм распространится и на космос. За столько-то миллионов долларов космонавты-водители будут возить желающих миллионеров или государственных деятелей полюбоваться шариком-Землей.

Еще невероятнее. В аттракцион превращается наука. Ученые становятся постепенно в некоторых областях изобретателями интересных концепций, которые можно эффектно доложить на международных конгрессах. Ученые уже стали туристами —

племенем номадов, кочующих с одного международного конгресса на другой, устанавливающих «рекорды» почетных званий и наград.

В самом деле, почему не объявить того или иного ученого абсолютным чемпионом страны или мира по количеству полученных им почетных званий и наград?

Опасность в том, что из всего уходит содержание. Люди, активные по своему отношению к миру, становятся все больше пассивными созерцателями, «болельщиками», по сути своей разными туристами. Не идейные приверженцы того или иного религиозного мировоззрения (даже!), а «болельщики» за концепцию. В религиях все больше увеличивается число лиц, которые не выполняют религиозных требований, треб, обрядов, а являются только пассивными сторонниками той или иной религиозной концепции. И это явление переходит и в другие сферы. Признают мировоззрение и вполне искренне ему не следуют.

Переход от паломничества к туризму — один из признаков перехода человечества к «комфортабельной» пассивности. Паломники шли пешком, молились, постились. Туристы летят в комфортабельных самолетах и только смотрят, «глазеют» (иногда купаются, загорают, развлекаются). Разумеется, мое противопоставление паломничества туризму следует понимать только как выразительный пример. Явление более широкое.

Перед нами возможно умирание общего интеллекта человечества. Человечество обладает, помимо отдельных гениев, еще и общим единым интеллектом, который сказывался раньше в духовных течениях, заставлявших интеллигенцию ходить в народ, проповедовать революционные учения и т. д.

Теперь общий интеллект человечества проявляется все больше в моде, — не только на одежду, но и на те или иные течения в искусстве и науке.

Возможно, это и не так. Я оптимист, но оптимист должен допускать минуты пессимизма (будучи оптимистом, я «потенциальный пессимист» — в данном случае).

С.— Об общем интеллекте человечества, о «хронологическом провинциализме» (диктатура моды на все — на одежду, на музыку, на те или иные книги, течения в искусстве, в науке) все это не просто удручает. Это пугает. Сколько раз вздрагивал, услышав: «Теперь так не пишут, теперь слушают другую музыку... Читают тех, кого хорошо знают по телепередачам, по мельканию на экране...» Все смешалось. Популярность путают с подлинной славой, подлинным талантом, подлинным интеллектом. Слышат шумных. Но вряд ли шумными могли быть Кант и Николай Федоров, Баратынский или Чехов, Бунин или Булгаков... Им это было бы просто ни к чему. Такая капитуляция перед модой, перед слишком популярными мнениями, слишком популярными вкусами в конечном итоге грозит деградацией общего интеллекта человечества. Одно из удивительных явлений — падение уровня вокальной культуры во всем мире. Частично это связано с тем, что определенные трудности переживает оперное искусство. Связано это с множеством причин. Тут и уход крупных педагогов-вокалистов, и падение престижа оперного певца в обществе, что отчасти связано с отсутствием вкуса к высокому вокалу у руководителей радио и телевидения, с плохой работой заводов, выпускающих пластинки... Качество записи безобразное. Но не только это. Сам подбор записей не лучший. Делается это

неоперативно, долго... Не привлекают интересно, смело думающих людей для составления аннотаций. Я не люблю английское понятие «имидж». Но все же у каждого певца, у каждого актера должен быть свой образ. И с этим образом надо считаться, учитывать его и уважать... Как-то мы беседовали на эту тему с Иваном Семеновичем Козловским. И он весьма горько говорил о том, что арфа, рояль, скрипка, виолончель в такой же мере народные инструменты, как и все другие. Они нуждаются в умелой, разумной пропаганде и в «защите» от тех, у кого просто-напросто нет нужной музыкальной подготовки, а потому таким людям проще атаковать непонятное и чуждое, чем проходить очередные университеты, терпеливо заниматься самообразованием и самошлифовкой... Недавно от одного совсем еще молодого человека я услышал такую фразу: «Все в культуре теперь сложно... Зачем тратить время и силы на то, чтобы к седым волосам научиться понимать фильмы Андрея Тарковского, когда лично мне вполне хватает Высоцкого, который не хуже передал страх и растерянность маленького человека перед огромным и сложным миром... Да, мне вполне достаточно Высоцкого, а больше мне и не надо...» Говорил это человек думающий, вовсе не пустой.

Л.— Вас что-то огорчило в такой постановке вопроса, Николай Григорьевич?

С.— Да, Дмитрий Сергеевич, огорчило. И очень. Откуда взялось желание противопоставлять столь разные явления в искусстве? Лично мне нужны фильмы Андрея Тарковского, без них моя жизнь была бы обеднена. Но никак не хотел бы расставаться и с таким явлением, как Высоцкий. Помню, в ту первую ночь, когда Владимира Высоцкого уже

не было на свете, мы с друзьями пошли к театру на Таганке, хотя в Союзе писателей меня почему-то строго-настрого предупредили, чтобы я этого не делал. На тротуарах толпами стояли люди — разных возрастов, а точнее — разных поколений. В руках у многих были плакатики: «Прости нас и прощай, товарищ Правда!», «Ты любил нас, а мы тебя не забудем». Тексты многих этих плакатов записаны у меня в специальном блокноте. Так вот, откуда взялась какая-то неожиданная нетерпимость, желание противопоставить одно явление в культуре другому? В этом просматривается сложный комплекс, стремление силой насадить свою правду, подавить другую, не сходную с тобой личность, индивидуальность... Истинно, дескать, только то, что я люблю и признаю...

Л.— Да, такое огорчает. А атаки на индивидуальность, на различные подходы к жизни, на право каждого иметь свои вкусы — опасны. Индивидуальность — одно из ценнейших человеческих качеств. Она приобретается от рождения, «дается судьбой» и развивается искренностью: быть самим собой во всем — от выбора профессии до манеры говорить и до походки. Искренность может быть в себе воспитана.

С.— Многое, даже очень многое можно в себе воспитать. Надо только хотеть воспитывать. Вот только вряд ли можно воспитать талант... Любой талант — талант творца или талант восприятия... Талантливый зритель, слушатель, читатель — практический соавтор творца в момент их встречи... Будь то книга, спектакль, кинофильм...

Л.— Очень важно замечание В. И. Вернадского в его «Страницах автобиографии»: «Таланты редки и их надо беречь и охранять...» Да, согласен с тем,

что существуют люди, талантливо воспринимающие литературу и искусство... Они задают тон... Вообще же, бездарность стремится поучать, талант — подавать пример. Но если у таланта отнять время, то и талант будет больше поучать, чем учить примером.

С.— В наших беседах, Дмитрий Сергеевич, мы порою возвращаемся к темам, о которых уже говорили...

Л.— Но это естественно, Николай Григорьевич. Свободная беседа — не научный трактат и не статья, когда все нужно выстраивать четче, жестче, организованнее. А беседа тем и хороша, что течет неспешно, открыто... Она в чем-то даже беззащитна...

С.— Но ее «слушает» магнитофон.

Л.— Ну и пусть себе слушает... Пусть слушают все, кому это интересно. С чем-то согласятся, с чем-то — нет... А над чем-то, может быть, задумаются... Помните, мы с вами говорили о добрых поступках и об отношении к ним?

С.— Помню, Дмитрий Сергеевич.

Л.— Хотите — подскажу тему для эссе, или рассказа, или пьесы? «Неделя добрых дел». «Неделя открытых добрых дел». Действие происходит в неизвестное время. Но слово «добрый» презирается и говорят «добренький», когда хотят оскорбить. Должна существовать только «непримиримость». И вдруг указ: можно и даже нужно делать добрые дела, — индивидуально делать! Рекомендуются даже заниматься благотворительностью. Можно подавать и просить милостыню. Можно и даже рекомендовано давать и получать в долг. Можно приходить в больницы помогать больным, мыть полы. Можно, можно, можно... И вот люди открывают для себя

счастье доброты. Для многих растворяется как туман стяжательство, страсть к наживе, к коллекционированию пустяков. Люди улыбаются друг другу, совершив доброе дело. Кто-то переводит через улицу пожилого человека. Не «кто-то», а все уступают в метро места пожилым.

Счастливые лица. Продавщицы с удовольствием продают, с удовольствием тщательно завертывают покупки.

И уже просят продлить Неделю открытых добрых дел. Пишут об этом письма «наверх».

Революцию добра рьяно подхватывают дети. Они больше всех и первыми заражаются добром. Добро становится для них любимой игрой. Учатся делать добро у деревенских старушек. Ищут нищих, больных, стариков, сирот, которым нужно помочь, находят несчастных. Организуют группы «следопытов добра».

Происходит примирение с миром. Вот зачем есть несчастные: чтобы дать счастье другим. Несчастные становятся счастливыми заботами других, ибо несчастный в одном может быть счастлив в другом. Беретесь написать?

С.— Берусь. И оставляю тему за собой. Попробую написать... Но это скорее должен быть киносценарий...

Л.— Выбрать жанр — дело автора.

С.— Кажется, в уме я начал писать «Неделю добрых дел».

А может быть, это даже «Год добрых дел».

Л.— Тогда не буду вам мешать...

Вечер двенадцатый, но не завершающий

С.— Добрый вечер, Дмитрий Сергеевич!

Л.— Добрый вечер, Николай Григорьевич!

С.— В минувший раз мы попробовали подвести некоторые итоги диалогов, которые растянулись на несколько месяцев. Но это оказалось не таким простым делом.

Л.— А может быть, такая задача вообще неосуществима? Жизнь идет, каждый день рождает новые проблемы. Так что диалоги, наверное, будут продолжаться, пока мы сможем их вести...

С.— О том, что «наш мир различен и един»?

Л.— И об этом тоже. И о необходимости формирования нового сознания и новых подходов к жизни, без которых дальше невозможно. Люди обязаны обдумать, трезво оценить ситуацию, которая сложилась на исходе второго тысячелетия.

С.— Иначе, видимо, невозможно восстановление целостного видения мира, мира во всем его объеме. Наступившее в XX столетии расслоение общества, принявшее новые и часто неожиданные формы, поляризация сил и идей, поначалу казавшееся прогрессивным, стало принимать формы крайней нетерпимости. В свое время в сборниках, издававшихся институтом имени Бехтерева, можно было прочитать грустные пророчества о том, что в конце века, то есть в наше нынешнее время, профессиональная идиосинкразия может принять формы прямой борьбы между представителями различных профессий из-за того, что они совершен-

но по-разному будут рассматривать любые явления объективного мира. Да тут еще все та же примешивающаяся к делу психология «человека при должности», влияние которой все еще сильно в сфере культуры, ощущается больше, чем того хотелось бы. И мы это влияние не преодолеем до той поры, пока своевольные действия «человека при должности» не станут наказуемы. Хотя бы — морально... Это как минимум.

Л.— Что станет возможным только тогда, когда гласность станет принципиальной нормой жизни. Нужно, чтобы возник психологический перелом в сознании общества, что случится не сразу, не в минуту. Понадобятся годы и годы. Тогда у «человека при должности» исчезнет ощущение собственной непогрешимости, а отсюда и желание диктовать, грубо навязывать свои вкусы, что-то «разрешать» или «запрещать».

С.— Как будто можно «запретить» мелодию или прекрасное стихотворение? Один большой писатель сказал: рукописи не горят. Это вовсе не значит, что ту или иную рукопись нельзя сжечь. Физически такое возможно. Бумагу огонь сжигает. Но вновь и вновь, в тех или иных формах, будет возвращаться к человечеству жажда свободного мышления, постоянные попытки честно осознать себя и как бы увидеть со стороны. Ведь если не уметь видеть себя со стороны, теряется «критика». А это уже опасно. С момента потери критики начинается вырождение.

Л.— Но критически видеть себя может лишь тот, кто знает, что было вчера, а следовательно, хотя бы в общих чертах, с большими допусками представить себе будущее. Тогда он будет понимать, что многое уже сделано до него и не всегда

нужно «изобретать велосипед». Подчас важнее сохранить созданное трудами многих поколений до него. Он четче будет представлять, чего именно ждут от него самого люди грядущие.

Однажды на одном из телевечеров меня спросили, что бы я взял в Ноев ковчег, если бы выбор был ограничен тремя-четырьмя вещами. Я ответил, что это слишком сложный вопрос. Ограничиться тремя-четырьмя вещами очень трудно. Но если бы речь шла о книге, я бы взял с собой Пушкина с вариантами, обязательно с разночтениями. Может быть, Толстого, потому что это человек с необычайно широким кругозором по всем и нравственным и умственным проблемам, и он очень современен — то, что хочется перечитывать. Скажем, иногда хочется Достоевского перечитывать, правда, не все его произведения, а любимые. «Идиота», например. Что же касается фильмов, которые я бы с собой взял в кассете, то, скажем, «Начало» Панфилова — прекрасный фильм. Я бы взял также «Зеркало» Андрея Тарковского.

С.— Грустно было бы грузиться в ковчег, понимая, что навсегда покидаешь привычный мир. Ведь столь многое нужно человеку даже в космическом ковчеге, если он решит перебраться на другую планету. Я взял бы с собой хотя бы репродукции Дионисия, Рублева, Феофана Грека и Эль Греко, многих других художников, музыку — множество записей... Но записи все равно не живая музыка... Не удержался бы, наверное, от того, чтобы захватить с собой видеокассеты не только с «Зеркалом», но и с другими фильмами Андрея Тарковского. Например, со «Сталкером», «Ностальгией» и «Жертвоприношением». А ранние и поздние итальянские неореалисты... Без них тоже вроде бы невозможно...

У ранних неореалистов больше искренности, у поздних — совершенной формы... Исключение составляет разве что Лукино Висконти, который был на высоте во все времена — до неореализма, в эпоху неореализма и позднее... Итальянское Возрождение, итальянское пение, в нашем веке — итальянское кино... Все это принадлежит не только итальянцам. Всем нам. Каждому человеку...

Л.— Ну, я обязательно взял бы в условный ковчег фильма раннего итальянского неореализма. Это был изумительный взлет, даже какой-то непонятный. Очевидно, во времена Муссолини так сдерживалось энергичное, творческое начало в итальянском народе, что, когда пал фашистский режим, сразу произошел такой мощи творческий взрыв. Ранний итальянский неореализм — поразителен. Тут был взлет и нравственный, раз нравственность была особенно подавлена фашизмом. Неореализм — это не просто создание каких-то очень удачных фильмов, красивых в широком смысле этого слова, но это и нравственное начало. Мы обычно нравственность понимаем под углом зрения каких-то запретов. Вот если какие-то запреты соблюдаются, — значит, фильм нравственный. Нет. Это творческое начало — нравственность. И вот эти разнообразные аспекты нравственных проблем — они в неореализме итальянском и были показаны. «Похитители велосипедов», например, — ведь это поразительно! И этой сложности нравственных проблем надо учиться у Достоевского, у Толстого и у Лескова. Лесков иногда притворяется безнравственным писателем, чтобы научить нравственности, чтобы человек самостоятельно решал какие-то задачи. Простые нравственные проблемы: не укради, не убий и т. д. — давно решены. За тысячелетие

перед нами. И тут не нужно для этого повторять одно и то же. А вот тонкие проблемы нравственности — они возникают. И не всегда они понятны. Но когда поймешь — внезапно обогащаешься. Это есть у Достоевского, у Лескова. А Лесков иной раз притворяется как бы не понимающим нравственного смысла своего собственного произведения.

С.— Дмитрий Сергеевич, но я упрямо возвращаюсь к музыке. Без нее невозможно ни в ковчеге, ни на новом месте.

Л.— А кого бы вы взяли в ковчег?

С.— Многих, наверное, если бы, конечно, разрешили. Моцарта и Бортнянского, Глинку и Даргомыжского... Конечно, Верди, Шопена, Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева. И конечно же, Шостаковича...

Л.— А Мусоргский?

С.— Его — обязательно. Без Мусоргского нельзя.

Л.— Я считаю Мусоргского величайшим русским композитором. Между прочим, это удивительный драматург. У него поразительное чутье национального, знание, глубокое понимание русской истории. Вот, скажем, «Хованщина». Ведь там, с точки зрения историка-педанта, масса ошибок, смещений и совмещений, искажения реальных фактов... Тем не менее общая историческая правда поразительна...

С.— Наша беседа опять как бы ушла в сторону...

Л.— А может быть, и не в сторону... Не случайно возник разговор о ковчеге. Ведь все мы верим, что ковчег не понадобится. Мы сможем жить на нашей Земле, сохраним ее.

С.— Недавно случилось так, что в один и тот

же день мне довелось порознь беседовать с двумя известными писателями — Вениамином Александровичем Кавериним и Фазилем Абдуловичем Искандером, людьми разных поколений, не схожими по мировосприятию и темпераменту. Но оба они, не сговариваясь, сказали, что сохранить Землю удастся лишь в случае, если в землянах будет настойчиво воспитываемо чувство уважения к личности. А личность, мыслящий человек должен осознавать себя и свое место и в контексте эпохи, и в контексте развития всей цивилизации.

Л.— Это действительно так.

С.— Спасительно светлое, ясное и перспективное мышление. Недавно лондонская газета «Экономист» принесла известие, что нас теперь на Земле 5 миллиардов, то есть вдвое больше, чем было в середине уже уходящего нынешнего века. Это как будто бы очень много. Каждый день рождается 220 тысяч младенцев, причем девять из десяти — в развивающихся странах. Угроза перенаселения? Оказывается, нет. На один квадратный метр земной поверхности в среднем попадает три тысячи килокалорий солнечной энергии, чего вполне достаточно для обеспечения жизнедеятельности одного человеческого организма. Следовательно, теоретически на Земле одновременно могли бы жить 132 триллиона человек. А впереди еще возможность освоения космоса, других планет... Выходит, что при разумном подходе к себе самим и к окружающей нас природе говорить о перенаселенности планеты явно рано...

Л.— Но чтобы не загубить природу, гомосферу, а затем и себя, надо хорошо знать прошлое, видеть настоящее и догадываться о будущем.

С.— Подобные мысли теперь посещают многих.

Как-то раз, Дмитрий Сергеевич, довелось мне вести на радио «Круглый стол публициста». Слово попросила участвовавшая в беседе критик Татьяна Иванова и внесла вдруг предложение, которого никто не ждал, — создать Фонд памяти. Что это такое? Хранилище, в котором сохранялись бы машинописные и даже рукописные воспоминания, мемуары, написанные различными людьми, вовсе не обязательно профессиональными литераторами: пусть тот, кто хочет, расскажет о своей жизни и будет уверен, что воспоминания его сохранятся и потомки смогут с ними познакомиться. Это должно быть специальное хранилище, которое следует содержать в полнейшем порядке на деньги, собранные всем миром, народом.

Л.— Прекрасное предложение.

С.— Скажу честно, что мы не сразу поняли, насколько оно своевременное. Но буквально через несколько дней люди стали присылать по почте письма, воспоминания. Они поступают и по сей день в Москву по адресу журнала «В мире книг», поскольку передача была посвящена именно ему. Некоторые из этих воспоминаний потрясают поразительной честностью, откровенностью, а точнее будет сказать — открытостью. Фонд памяти, а он, верно, будет создан, — станет новым элементом нашей жизни, может быть, даже очень важным.

Л.— Не исключено. Человечеству следует пройти через эпоху очищения и пересмотра устарелых догм, восстановить в своей памяти и в жизни все то, что было полезным и остается полезным по сей день, но, по недомыслию ли, по необдуманной горячности или по иным причинам, а то и по недоброму умыслу, было утрачено, отброшено. Трудный путь, но необходимый. Только мудрый

и мужественный способен пройти его. Но без мудрости и мужества невозможна достойная жизнь. А за нее всегда боролись и всегда будут бороться все, у кого «сердца для чести живы». И потому диалоги, подобные этим, будут продолжены когда-нибудь, если не нами, то другими. Ведь они тоже — одна из попыток разобраться в состоянии дел в обществе, да и в себе самих... С себя ведь должен начинать человек любой разговор о том, что представляет собой сообщество людей в целом, то есть — человечество. А человечеству мы желаем бессмертия. Оно невозможно без внутренней честности, без умения видеть удобное и неудобное, радующее и печальщее, без желания отыскать ту истину, которая рождается только в сопоставлении различных мнений и точек зрения. Нужно создать «Историю совести» — историю человеческих заблуждений, историю героических признаний своих ошибок. Начинать ее следует с письма Владимира Мономаха к Олегу Гориславичу, а может быть, и с еще более ранних событий. Мудрость — это еще и принципиальность в сочетании с терпимостью и верой в разум, с умением признать собственные заблуждения. А разум — коллективное достояние человечества. Ни у кого нет монополии на него. Никто не вправе считать свое мнение истиной в конечной инстанции. Думать вместе. Думать, уважая мнение собеседника... И эти диалоги — приглашение к таким раздумьям.

С.— Теперь мы прощаемся, Дмитрий Сергеевич.

Л.— До следующей встречи, Николай Григорьевич. Верю, что мы еще продолжим наши беседы.

Октябрь 1986 — май 1987 гг.

Ленинград — Москва

**Дмитрий Сергеевич Лихачев
Николай Григорьевич Самвелян**

**ДиалогИ о дне вчерашнем,
сегодняшнем и завтрашнем**

Редактор О. А. Рябова
Художник Г. И. Метченко
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор Е. В. Кузьмина
Корректоры Н. Д. Бучарова,
Л. М. Логунова

ИБ № 5489

Сдано в набор 08.10.87. Подп. в печать 22.03.88. А08566. Формат 70×100/32.
Бумага офс. № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,85.
Усл. кр.-отт. 6,01. Уч.-изд. л. 5,56. Тираж 30 000 экз. Заказ 350. Цена 25 к.
Изд. инд. ХД-202.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

ВО И ПОЛУГОДИИ 1987 ГОДА
В БИБЛИОТЕКЕ «ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:

Л. БЕЛЯЕВА
А В НАРОДЕ ГОВОРЯТ...

Т. БУТОВСКАЯ
СТОЛКНОВЕНИЕ

С. ГАГАРИН
ЖИДКИЙ ДЬЯВОЛ

В. ЛЕСОВОЙ
НОЧНОЙ ПРЫЖОК

Г. ЛИСИЧКИН
ЗВЕЗДА ДОМЕНИКАНА

Ю. НАГИБИН
МОСКВА... КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ

А. СТРЕЛЯНЫЙ
ПРИХОД И РАСХОД

А. УДАЛЬЦОВ
БЕЗ ЧУДЕС

И. УХАНОВ
РЫБАК В СТЕНИ

Над книгами библиотеки «Писатель и время»
работают: В. Амлинский, В. Астафьев,
Ю. Бондарев, Т. Гайдар, Ю. Галкин,
Д. Граинин, Л. Иванов, Б. Можаяев, В. Распутин,
А. Солоухин, Н. Федоренко, Н. Черкашин,
Р. Хакимов.